

Александр Прозоров

К н я з ь

Золото мертвых

Князь

Александр Проzorов

Золото мертвых

«Автор»

2006

Прозоров А. Д.

Золото мертвых / А. Д. Прозоров — «Автор», 2006 — (Князь)

Самый легкий способ разбогатеть – это найти клад. Но мало кто помнит, что клады никогда просто так не кладутся в землю. Их охраняют страшные заклятия и древние руны, несущие гибель всякому, кто протянет руку к чужому добру. Андрей Зверев хотел найти золото – а вместо этого столкнулся с гневом могучего колдуна, через века пронесшего ненависть и к потомкам новгородского князя, и ко всему русскому вообще.

© Прозоров А. Д., 2006

© Автор, 2006

Содержание

Лисий след	5
Ушкуйник	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Александр ПРОЗОРОВ

КНЯЗЬ: ЗОЛОТО МЕРТВЫХ

Лисий след

В пещере волхва, несмотря на полыхающий в очаге огонь,пряно пахло осенней листвой, сеном, настоявшимся хлебным квасом. Отблески пламени плясали на стенах, заглушая слабый свет священного камня, зловеще вспыхивали в глазах Лютобора, неторопливо помешивающего какое-то варево в трехведерном медном котле, заставляли тени от стола, от чуров перед лестницей, от скамеек причудливо изгибаться и ползать по полу, подобно толстым черным змеям.

– Ты представляешь – пять деревень! Всего пять деревень по три двора в каждой! – Андрей Зверев, что раздраженно бегал взад и вперед, не удержался, взмахнул рукой, и вылетевший из рукава грузик кистеня с вязким щелчком врезался в твердую, как камень, глиняную стену, выбив в ней дыру размером с кулак. – Пять! Пять! Пять! – Паренек еще несколько раз ударил беззащитную глину железным шариком. – Двадцать дворов на круг, вместе с усадьбой! И с этого я должен выставить пятьдесят воинов?! Как? С чего? Пашни, куда взгляд ни брось, бурьяном заросли, в семьях, почитай, одни бабы остались, кузнеца и вовсе нет. И это, называется, мое княжество? С этого я жить должен, честь блюсти и холопов для кованой рати набирать? Проклятье!

– Коли полку новую мастерить задумал, чадо, – невозмутимо ответил старый колдун, – то нижний край подровняй, ибо неудобно пользоваться будет. Да и неопратно как-то.

– Полку? – Андрей еще раз со всей ярости ударил кистенем в рыхлое, словно тут кто-то долго грыз глину, пятно на стене, перевел дух, вскинул руку, роняя свое тайное оружие обратно в рукав, выдернул из ножен косарь и принялся ровнять края выемки. Полочка получалась не очень большая, но крынку поставить можно.

– Есть у меня для тебя одна добрая весть, отрок, – покосившись в его сторону, сообщил старик. – Знамо, коли во всех семьях мужиков в земле тамошней не хватает, то, стало быть, и проклятие лежит не на роду княжеском, в коем ты ныне состоишь, а на самом имении. А поскольку хозяева во владениях своих часто бывают, то и на них оно печать кладет. Вот и видится люду русскому, что проклят род Сакульских, который от Гостомысла лишь по женской линии тянется. Оттого и слухи нехорошие бродят. Проклятия же, что не родовые, а подкладные, завсегда слабее держатся. Ты с ним справишься, чадо. Даром, что ли, уже третий, почитай, годок мудрости моей учишься? Одолеешь порчу, и иные беды тоже отведешь. Токмо братством с дубами себя зараз защитить не забудь. Оно спокойнее получится.

– Не хочу, – уже почти спокойным голосом ответил Андрей, вспарывая клинком ножа маслянистую, чуть влажную глину. – Ты просто не знаешь, как меня упрашивали, как уламывали: с родом Друцких породниться, княжеское звание получить, почет и уважение, богатство, наследство... Ну и что? Пожертвовал я собой, согласился жениться неведомо на ком, лишь бы роду нашему боярскому в будущем связи добрые обеспечить. Не по любви, по расчету женился! А развода тут, между прочим, не существует! Навсегда женился! И что? Что я получил? Пустой фантик с надписью «Князь Сакульский»? Кусок земли размером с половину Дании и населением в половину Жмеринки?¹ Блин горелый, и со всего этого по разрядным листам я еще и полста воинов на смотрины выводить обязан! Представляю, как ржал князь

¹ В старину западную часть современной Ленинградской области называли Северной пустошью. Согласно разрядным книгам XVI века, там насчитывалось всего 300 деревень, в среднем по два двора в каждой. Оно и понятно: на юг от Невы – одни болота, на север – болота и камни. Удобных для обработки земель так просто не сыскать.

Друцкий, скидывая на меня этот хомут! Теперь это больше не его головная боль. И это, значит, то, ради чего я пошел под венец и поклялся в вечной верности?

– Невеста хоть красивая оказалась? – полюбопытствовал Лютобор.

– Ага. Как пирог с капустой. Такая же румяная и такая же пухлая.

– Значит, красивая, – кивнул чародей, видимо, равнодушный к выпечке. – Это ладно. А то ведь могли старую, кривую и хромоногую подсунуть.

– Умеешь ты утешить, волхв, сразу на душе светло становится, – то ли с сарказмом, то ли всерьез ответил Андрей. – Одно могу сказать, беременна она. Так что я свой долг перед родами Лисьиных и Сакульских выполнил, не оскудеет их потомками земля русская. А меня давай, обратно возвертай. Домой хочу. Пусть Друцкие хитрозадые сами это богатство окучивают.

– Эх ты заторопился-то, отрок... – Колдун извлек из варева ложку, тщательно обнюхал, зацепил толику на ноготь. – Никак, обиделся? Дык, в мире этом каждый интереса своего не забывает. Ты князем стать согласился? Ты им и стал. А что за звание морокой немалой заплатить придется – дык меда без пчелиных укусов не случается, про то тебе любой медведь поведает. Управишься, чадо, управишься. Поднатужишься, да и придумаешь чего ладного да хитрого. Глядишь, и учение мое найдешь куда приложить. А то забудешь ведь все наказы, коли для дела пользы не принесут.

– Ты что-то путаешь, волхв, – покачал головой Андрей. – Лично я ни в какие князья не напрашивался. Как и в бояре тоже. Это ты меня сюда выдернул, чтобы роду Лисьиных угаснуть не дать. И на Полине Сакульской женился я не ради титула, а ради сохранения имени лисьиного, дабы от тяжбы судебной здешних отца с матерью оградить. Ныне жена моя уж в положении, ребенок родившийся имени Лисьиных и от Друцких, и от Лисьиных в подарок получит. Тяжбе, стало быть, конец; род боярский не прервется, да еще и с князьями в родичах окажется. В общем, можешь считать: колдовство, что боярыня Ольга Юрьевна тебе заказывала, удалось. Все то, чего она желала, исполнилось. Теперь я хочу домой.

– Нешто плохо тебе, отрок, в князьях-то гоголем ходить? – не поверил старик. – В своих трущобах такого ты ни в жизнь не получишь.

– А ты знаешь, что такое телевизор, Лютобор? Компьютер, мотоцикл, самолет?..

– И славы ратной, нынешней, тебе там никогда не добиться. Знамо мне, половину Руси слава о подвиге твоём обошла.

– ... скоростная машина, асфальт. От Москвы до Новгорода – полдня пути. Рыбалка, шашлыки, вальс и диско. Девушки, которые просто ходят по улицам. Безопасность. В этом мире хоть кто-нибудь ложится спать, не приготовив на всякий случай у постели меч и лук?

– Курочка в курятнике за себя не боится – пока хозяину супчика не захочется. А свободы без меча и страха не бывает.

– Свобода превыше всего, Лютобор? Да ты, никак, либерал?

– Ты меня словами гнусными не погань, – нахмурился волхв. – Хоть и люб ты мне стал за весны минувшие, а я и огневаться могу!

– Так и ты меня обманывать не пытайся, мудрый Лютобор. Чай, не мальчик.

– В чем же обман ты за мною заметил?

– В свободе, что ты мне подсунуть пытаешься. Свободному человеку ничего не страшно. Коли и от добра, и от родичей он свободен, то ни бед, ни хлопот у него нет. Пришли враги злые – чего бояться? Плюнул, да на другое место перебежал. Пожар прошел – так ему все едино терять нечего. Неурожай случился – так ему поле жать ни к чему. Вот и бродит свободный человек из края в край, ничего не опасаясь. Сегодня под одним кустом переночевал, завтра под другим. Украсть у него нечего, грабить его последний тать побрезгует, пожрать по лесам и помойкам как-нибудь наберет. Чего бояться? А вот стоит тебе хоть кошкой обзавестись, ты уже опасаться начинаешь. А ну, потеряется, отравится, собаке на зуб попадет. Дом и дети появятся – страхов втрое. Семью и добро надобно ведь от поганых оградить, коих немало вокруг кры-

сятничает. Страшно, что хлеба не соберешь, дабы малых от голода уберечь, страшно, что беда нежданная припасы твои уничтожит. И чем больше на тебе душ, тем больше и страхов. Любая скотина последняя – и та заботы просит. А если тебе еще и люди служат? А если ты понять способен, что такое Родина, и готов живот свой за нее положить? Нет, Лютобор, не бывает страха в свободном человеке. Страх в том живет, кто тысячами нитей к миру привязан. Там могила отцовская, здесь телок, коего сам выкормил, в стороне дом, в котором любимая твоя обитает, за ним поле колосится, что сам сажал. Тут ниточка, там веревочка, здесь лесочка – и вот сидишь ты уже, словно цепью прикован. И цепь свою мечом и кровью до капли последней защищать готов. Свободному человеку этого не понять, ему все переломать – раз плюнуть. Свободный человек – тварь подлая и поганая, место ему в хлеву, с хомутом на шее и намордником покрепче, чтобы не кусался. Не дай Бог, беда у тебя случится – все эти твари первыми крысятничать лезут, куски рвать да кровь пускать. А как у них беда, так к совести твоей вызывают, покормить да обогреть требуют.

– У-у-у, думы какие в душе-то твоей бродят, чадо, – изумился старик. – Не к добру это, не к добру. С чего печален так, дитяtko?

– А то сам не понимаешь? – хмыкнул Зверев, отер нож о брошенную у стены, невыделанную шкуру и спрятал в ножны. – Ниточками я здесь прирастаю, волхв. Еще немного, они и в цепь превратиться могут. А я не хочу оставаться здесь, Лютобор. Я хочу домой.

– Полнолуние через восемь ден, чадо, – прищурился на свой ноготь чародей. – Тогда удачу и попытаем. Али не веришь, что всеми силами я клятву свою исполнить норовлю?

– Верю, мудрый волхв, верю, – вздохнул Андрей. – Но сам видишь – дни идут, а я еще здесь. Я сделал все, чего вам хотелось, и даже больше. Теперь возвращай меня обратно. Возвращай!

– Могу повторить лишь то, о чем сказывал не раз, – пожал плечами Лютобор. – Но ведь ты не желаешь верить. Глянь лучше сюда. Это мертвая вода, веришь?

– Та, что способна сращивать любые раны? – подошел ближе Зверев и через плечо колдуна стал разглядывать застывшую на ногте волхва желтую, полупрозрачную каплю, похожую на сверкающий на солнце янтарь.

– Кабы так... – вздохнул старик. – Надеялся я на то, да не вышло. Живые раны не заращивает, токмо мертвые.

– Это как? – не понял Андрей.

– Кости сращивать может. Мясо же и кожу – нет.

– Какой же тогда в ней смысл?

– Сам знаешь, чадо. Рана от меча иной раз глубока, кость наружу торчит. Вот тут ее можно и срастить, выправить.

– Извини, учитель, – скривился князь Сакульский, успевший за последние два года пройти добрый десяток сражений, – но коли у раненого кости торчат, он скорее и не жилец вовсе. Кровью истечет, хоть ты клей его, хоть не клей.

– А жаль... – продолжал разглядывать капельку древний кудесник. – Тяжко готовить снадобье сие. Коли переваришь – твердеет; недоваришь – киснет, ровно мясная похлебка. Вот, смотри, чадо. Как капля, ногтем с ложки собранная, растекаться перестает, то, стало быть, и зелье готово.

– А смысл в нем каков, Лютобор? Чего ради такие старания?

– Рази я не сказывал? Коли боли у смертных сильные в костях, коли ногти и зубы гнить начинают, коли суставы пухнут, то мазать отваром сим их надобно. Костные болячки все, почи-тай, исцеляет. Ну, и коли ратная рана глубока, то и там кость склеить можно. Токмо... Тут прав ты, дитя, пользы там будет мало. Да, и еще. Собрал я для тебя котомку малую. Положил кое-что, чего тебе самому трудно по первости будет добыть, но нужда в чем непременно возникнет. Сало с трех мертвецов в свечах, порошок ноготка и корня Иванова, коготь желтого

медведя от коровьей немощи, жир барсучий да воск – свечи колдовские отливать. Прочее ты и сам собрать сможешь, коли судьба придавит.

– Все вы к одному гнете, – поморщился Зверев, однако березовый туесок взял. – Домой ты меня отправь лучше, домой.

– Приходи на восьмой день к полуночи на алатырь-камень Сешковской горы, – снял котел с огня колдун. – Место тебе ныне знакомое, провожатые ни к чему. Бурдючки кожаные подай, что на столе приготовлены. Разлить зелье поможешь. Приходи, за успех ручаться не стану, но что смогу – сотворю, как и обещал.

Это было правдой. Выдернувший его из двадцать первого века чародей пытался вернуть Андрея в родные места уже не раз. Для усиления колдовства своего волхв проводил обряды в полнолуние на алтарном камне древнего, даже доисторического святилища неведомых богов, что было разрушено Андреем Первозванным на Сешковской горе. В этом проклятом месте нечисть всякая и по сей день страха никакого не знает. Местные жители обходят его стороной, а монахи Филаретова храма, наоборот, то и дело отправляются на гору с темными силами бороться, землю святить. За что один за другим жизнью или рассудком и платятся. Но пока еще старания Лютобора успехом не увенчались. То ли хитрит старый волхв, то ли и вправду не получается у него ничего с заклинаниями.

– Ладно, – вздохнул Зверев, – восемь дней, так восемь дней. Ты мне вот что скажи, мудрый волхв. Коли жира человеческого я взять у знакомого не успел, могу я судьбу его как-то узнать? Понимаешь, знакомая одна у меня куда-то пропала...

– Коли беды за ней не чувствуешь, лучше не пытаться... – Забавно высунув язык, чародей начал разливать свое варево из широкого котла в узкие горлышки кожаных фляг и, как ни странно, не проливал при этом ни капли.

– Отчего?

– Коли вещицы человека пропащего у тебя нет – ношеной, знамо, дабы хоть немного жира для свечи выварить... В общем, коли через зеркало Велесово глянуть не можешь, анчутков вездесущих звать надобно, с ними уговариваться, жертву приносить. Они, пожалуй, любого найдут. Да токмо натура у них шаловливая. Так просто от найденного не отстанут, обязательно повеселятся. Либо работу попортят, либо вещи утащат али перепутают, а иные и вовсе людьми перекидываются да знакомиться идут. Замучишься опосля от помощников таких избавляться. Однако же, чадо, о ком душа твоя горюет при молодой-то жене?

– Да так... – отмахнулся Андрей.

С самого дня своей свадьбы не видел он нигде в усадьбе Вари, дочери пасечника. Соскучиться успел по глазам ее, по улыбке. Однако вряд ли с ней случилась какая-нибудь беда. Скорее, боярин Лисьин, зная об увлечении сына, перед свадьбой усладил ее куда-нибудь с глаз долой, дабы во время торжества конфуза неприятного не случилось.

– Еще одна ниточка? – понимающе спросил колдун.

– Она самая, – признал молодой человек. – Ладно, не стану пока ничего делать. Авось, через восемь дней все закончится.

* * *

По ощущениям Зверева, на Русь пришел март. Пускай все еще стояли морозы, но солнце грело весьма ощутимо, пробивая в сугробах глубокие сверкающие проталины, да и холмы, не поросшие кустарником или лесом, уже подставляли свету бока, покрытые жухлой прошлогодней травой. Дворня отдыхала, веселилась, играла в задержку, между и лапту, уделяя работе времени вдвое меньше обычного. Для смердов усадьбы наступила самая благодатная пора: к посевной они за зиму подготовились лучше некуда, но начало работ оттягивал снег, все еще укрывающий землю. Тот же снег успел местами подтаять, провалиться в накатанных местах

– зимники лесные стали непроезжими, ни дров, ни леса строительного не заготовишь. Вот и веселились селяне. Когда еще дурака повалить, кроме как не сейчас? Боярыня с девками к Масленице близкой готовилась, парни за ними подсматривали да подшутить норовили. Тех, что попадались, девки в горницу затаскивали и в хмельную прялку играть заставляли: напайвали медом вареным или пивом до полного свинячьего визга, после чего предлагали любую из них для утех любовных выбрать да удал мужскую показать. Насколько понял Андрей, воспользоваться предложением не удавалось никому: вырвавшись от девок со спущенными штанами, бедолаги под общий хохот в первую очередь устремлялись искать отхожее место. Причем даже это удавалось не всем: ноги опоенных парней заплетались, глазомер не позволял попасть головой в распахнутую дверь или определить первые ступеньки на краю крыльца. Бродили слухи, что кому-то когда-то подфартило то ли баб обмануть и выпить меньше, чем вливали, то ли и впрямь мужской силой слабость телесную одолеть – посему некая притягательность в баловстве языческом была. Но с таким же успехом можно надеяться на крупный выигрыш в уличной лотерее.

Разумеется, Ольга Юрьевна и боярин Василий Ярославович в играшках этих не участвовали, а хозяйка вроде даже осуждала охальное баловство и угрожала привести монахов из церкви – но дальше угроз дело не шло, и развлечения продолжались каждый вечер.

Зверев, как сын боярина, а ныне еще и князь Сакульский, тоже со смердами не смешивался. Для него утро начиналось с двухчасовой разминки на берегу Крестового озера: он дрался с Пахомом на саблях и ножах, бил кистенем шишки на снеговиках, благо снег еще лепился, тренировался работать рогатиной, стрелять из лука. После завтрака Андрей либо отговаривался охотой и уезжал на Козютин мох к колдуну за древними знаниями, либо оставался и уже сам учил холопов работать бердышом. Это оружие, неведомое ранее на Руси, пришлось по вкусу всем ратным людям, и ныне в отряде боярина Лисына огромные стальные полумесяцы имелись у каждого воина, да еще с десятков про запас в оружейном амбаре хранилось.

День-да ночь – сутки прочь. Три раза Зверев к волхву прокатился, три дня с холопами железом поиграл, два раза на настоящую охоту съездил – зайцев в поле погонять да кабанов у дубравы покараулить. Заметить не успел, как восьмой вечер настал.

Весенний день долог, а потому Андрей решил не привлекать внимания, выбираясь из запертой усадьбы поздними сумерками, и ушел задолго до ужина, прихватив лук и колчан с истрепанными учебными стрелами. Сперва на берегу озера по пню с трехсот метров поупражнялся, потом удалился в поле, где под снегом спал летник на Великие Луки. Здесь, дожидаясь заката, он пару раз опустошил колчан по низкому разлапистому дубу, выросшему в стороне от общей дубравы. Ветра не было, а потому Зверев попытался попасть в цель сперва с четырехсот метров, затем отступил еще дальше. Получалось не самым лучшим образом: от силы одна стрела из трех в стволе застревала. Будь это АКМ – разряда по стрельбе ему бы ни за что не видать. Хорошо хоть, главный экзаменатор здесь – он сам, князь Сакульский. А что до битвы, которая любому учению главный судья, – так там за полкилометра белке в глаз стрелять ни к чему. Там по густой, многосотенной армии бить приходится. По такой цели и захочешь – не промахнешься. Медведя дрессированного в строй ставить можно.

Собрав стрелы в третий раз и недосчитавшись трех «перышек», улетевших слишком далеко либо засевших глубоко в снег, Зверев прищурился на закатное солнце, прикрыл крышками колчаны с луком и стрелами, закинул их за спину и через край леса двинулся к проклятой Сешковской горе. Пути тут всего ничего – версты полторы. Да только снега под дубовыми кронами – чуть не по пояс. Для каждого шага наст утаптывать надобно и лезть через него, как через забор. Потому-то и вышел Андрей к подножию горы уже в глубокой темноте. Даже опасаться начал – не опоздал ли? Но нет, примерно посередине склона, возле выделяющегося на фоне неба валуна с плоской вершиной, весело приплясывал алый огонек, маячила неесте-

ственно высокая фигура волхва. Прямо призрак, а не человек. Но морока Зверев не боялся. Нечисть что медведь бурый – зимой больше спит, чем на свет белый выходит. Так что колдун это был, кудесник древний собственной персоной.

– Не передумал, чадо?

Похоже, Лютобор заметил ученика даже во мраке, хотя сам стоял возле костра, на свету.

– Не для того сюда выбирался, чтобы передумать. – Поднимаясь по холму, Зверев перебросил колчаны в левую руку, правой расстегнул и снял пояс с саблей.

– Коли так – забирайся. Час близится, пора заклинания творить.

– Опять догола? – на всякий случай уточнил Андрей.

– Да, чадо, – кивнул кудесник. – Душу забирал – ее и возвертать стану. Иначе, мыслю, не получится.

– Можно я хоть ферязь на валун брошу? Холодный камень-то!

– Бросай, – пожал плечами Лютобор. – Токмо не надейся, что с тобой она вместе умчится. Лишь душу твою освобождать из мира сего стану, лишь ее.

– Хоть чучелом, хоть тушкой... – усмехнулся Андрей, вспомнив бородатый анекдот. Он расстегнул крючки подбитой пушистым колонком ферязи, расстелил ее на алтаре, быстро скинул остальную одежду, закатился на камень и кивнул: – Я готов, мудрый Лютобор. Поехали.

Прежнего трепета, какого бы то ни было страха перед магией и тем, что ждет его по ту сторону пути, Андрей уже не испытывал. Седьмой раз вроде отправлялся. Привык к тому, что там, впереди, встретит он некую реальность, а не безмолвие смерти. Привык, увы, и к тому, что после обряда, как бы ни сложилась иная реальность, все равно он снова окажется здесь, на этом самом камне.

Колдун привычно забормотал молитвы, Зверев привычно стал проваливаться в горячую искрящуюся невесомость и...

– Не-е-ет! Нет! Сыно-ок!!!

– Проклятье... – Первое, что почувствовал Андрей, это сильнейшая боль в боку и спине, отчего с губ сорвался невольный стон. На языке ощущалась слабая солоноватость. Кровь? Или он плакал?

Зверев перекатился на бок, приподнялся на четвереньки, открыл глаза. Прямо перед ним был ковер. Дешевенький, войлочный. Неужели он опять попал в плен к татарам?

– Ты глянь, жив выродок!

Неодолимая сила рванула его за шиворот, приподняла, метнула в сторону. Он опять ударился спиной и завопил от самого настоящего, животного ужаса: на Зверева наступал монстр ростом, почти втрое превышающим человеческий, бородатый, в джинсовой куртке и штанах, в руках его поблескивал короткий узкий нож.

– Живой еще, гаденыш? – скривился монстр. – Ничего, мы это сейчас поправим. – Великан ткнул ножом ему в горло, другой рукой сжал пальцы на воротах, оглянулся через плечо: – Ну, скажешь, где деньги? Говори, не то враз кишки выблядку твоему выпущу!

– Нет, нет! Не трогайте его!

– Говори!

– Нет... Нету у меня денег, миленькие! – Женщина заплакала. – Нету... Отпустите его. Я принесу. Я найду, найду. Отпустите! Ребенка отпустите!

Андрей начал постепенно проникаться ситуацией. Никаких великанов здесь, естественно, не было. Просто он сам оказался старанием Лютобора в теле мальчонки лет семи от роду. Кроха глупая и беззащитная. В комнатке размером с его светелку в усадьбе двое широкоплечих вонючих жлобов, видимо, пытались ограбить женщину, одетую в одну лишь ночную сорочку, со связанными за спиной руками. Один держал заплаканную жертву за горло, прижимая к ее голове пистолет, второй избивал ее ребенка, добиваясь ответа о спрятанных ценно-

стях. Ребенка – то есть его, Зверева. Причем малыша связывать никому и в голову не пришло – чего пацаненка бояться?

– Я скажу, – хлюпнув носом, сказал Андрей. – Я покажу, где.

– О как... – Хватка у Зверева на ворота ослабла, рука с ножом чуть отодвинулась. – Умный мальчик...

Договорить тать не успел. Андрей, чуть наклонив голову, со всей силы вцепился ему зубами в указательный и средний пальцы, сжимавшие рукоять ножичка, тут же схватился за лезвие с незаточенной стороны, выворачивая его в сторону большого пальца. От боли и неожиданности бандит ослабил хватку – Зверев завладел оружием, кинулся к женщине, жалобно крича:

– Мама, мамочка!

– Ах ты, выблядок! – неся следом крик боли и ненависти. – Ну, я тебе устрою! Ты у меня не просто сдохнешь, ты у меня сам о смерти просить станешь!

– Мама!

Андрей со всех сил старался выглядеть естественным: испуганным, ищущим спасения в маминых руках, – а потому бандит с пистолетом никакой тревоги не проявил. Поднял ногу, упершись подошвой Звереву в грудь, с силой пихнул:

– Пшел отсюда, щенок! Идрис, возьми его.

Мальчишка еле успел резануть грабителя по ноге с внутренней стороны и отлетел на спину.

– Вот проклятье! Кажется, он меня зацепил!

Грабитель еще не понимал, что он мертв. Бедренная артерия – одна из самых крупных в теле. Коли с одетым в броню рыцарем дерешься – цель номер один. Брони под латной юбкой нет, жила на самой поверхности, дольше двух минут человек с такой раной не живет – кровь течет быстро. На бедренную артерию Пахом всех холопов в первую очередь натаскивал.

– Вот гаденыш! Идрис, поймай его! Я хочу увидеть, как его кишки наматываются на твой нож!

– Не-ет!!! Не трогайте его!

– А ты заткнись, сука!

Бородатый Идрис шагнул к Андрею – но тот, пользуясь малым ростом, нырнул под стол и быстро пополз под высоким диваном у самой стены. Судя по мебели, Лютобор заслал его куда-то в пятидесятые годы двадцатого века. Может, в Советский Союз, может, в Европу или Америку. Бандит легко поднял диван, отшвырнул в сторону, ломая стулья, – но Андрей, пока руки того были заняты, проскочил к окну и побежал вдоль шкафа к женщине. Тать с пистолетом уже начал что-то понимать, тупо глядя в растекающуюся на полу лужу крови. Раны от острых клинков опасны еще тем, что боли от них зачастую и не чувствуешь, особенно в горячке боя. Думаешь – царапина, а на самом деле...

Бандит начал медленно сгибаться, взгляд его потух, тело обмякло – и он шумно грохнулся на пол; пистолет вылетел из руки, стукнулся рукоятью о паркет, подпрыгнул и закрутился на месте. Андрей сделал шаг к нему, поднял взгляд на Идриса. Тот мигом кинулся вперед, наклонился за оружием – и Зверев, облегченно вздохнув, сбоку ударил его ножом в горло, резанул вниз, вспарывая жилы, трахеи и артерии:

– Молодец. Иначе мне тебя было бы не достать, бугая такого.

Тать еще смог выпрямиться, слепо водя пистолетом – из широкой раны на горле лился густой поток черной жижи, словно зарезан был не человек, а горный тролль, – но через мгновение откинулся назад и распластал руки. Жить осталась только нога, что мелко постукивала каблуком по спинке сломанного стула. Андрей присел рядом, отер о джинсы мертвеца клинок, вынул у него из руки пистолет, поразительно похожий на «ТТ», но с какими-то импортными

буквами на боковине ствольной коробки, поднялся, разрезал веревку на руках жалобно всхлипывающей женщины, погладил ее по голове:

– Ну все, не бойся. Все позади.

В этот момент распахнулась дверь, в проеме появился еще один бородач в джинсе, с двустолковой в руке:

– Что тут у вас за... – Он осекся: трупы на полу объяснили бандиту все до последней мелочи.

Зверев вскинул «ТТ», нажал на спусковой крючок...

Нажал...

Нажал...

– А-а-а! – Пружина пистолета оказалась слишком тугой для детских пальчиков, и Андрей, глядя, как поднимается в его сторону охотничье ружье, сунул оружие женщине: – Стреляй!!!

Грохот выстрела распустился в голове множеством алых искр, словно залп победного салюта, горло перехватило от неожиданного холода...

– Ты здесь, мудрый волхв? – поинтересовался Зверев, пялясь в непроглядную темноту.

– Опять вернулся, чадо?

– Опять, Лютобор, опять. – Андрей сел на камне, обхватив колени, передернул плечами. – Быстро на этот раз. Минуты три, наверное, всего там и побыл. Раньше на дни счет шел. Или хотя бы на часы. Недодумал ты что-то со своим колдовством, волхв. Каждый раз, когда ты отправляешь в будущее одну лишь душу, без тела, я оказываюсь в голове очередного бедолаги, оглушенного до полусмерти. Кто на мину наступит, кто от бандита оплеуху схлопочет. В общем, обязательно среди пекла какого-нибудь оказываюсь, а не дома. И долго после этого не живу. Хорошо хоть сюда возвращаюсь, а не на небеса возношусь. Раньше, уходя в будущее вместе с телом, мне удавалось зацепиться там крепче. И меня стремились убить не так активно. Пожалуй даже, меня ни разу не удавалось убить. Хотя я и проваливался обратно сюда. Давай не будем больше вырывать мою душу? Давай снова попытаемся перенести меня домой вместе с телом?

– Ох, и упрям же ты, чадо, – покачал головой старик. – Сказывал же я тебе, попасть можно лишь в то будущее, которое на самом деле существует. Страна сказочная, о коей ты мне молвил, сказка и есть. Нет ее. Вот потому будущее тебя назад и не берет. К себе ты возвратиться не желаешь, а другого мира у меня для тебя нет.

– Кто лучше знает о будущем – ты или я? – Зверев прыгнул с алтаря и начал одеваться.

– Лучше всех о будущем ведает зеркало Велеса, отрок, – вздохнул Лютобор. – Твои же сказки, хоть и ласкают сердце мое, но к истине отношения никак не имеют.

Колдун наклонился к костру, дунул на него, словно на свечу, – и огонь сгинул. Не погас, а именно сгинул, и угольков не осталось.

– Будь по-твоему, чадо. Еще раз попробую душу твою во времена иные вернуть. Коли опять не выйдет, к прежним чарам вернусь. Вместе с телом перемещать стану. Но час полнолуния ушел. Придется ждать нового.

– И на том спасибо, Лютобор, – поклонился во мрак Андрей. – Что хоть попытался. Я к тебе завтра заскочу, мяса копченого и вина завезу. А то, заметил, не ходят к тебе теперь селяне. Видать, тропы совсем непролазными стали. Боятся.

– Яйцо сырое тогда прихвати, чадо, и жены своей волос длинный. На будущее ее поворожим. На проклятие. Глядишь, чего важного откроется. Ныне же прощай.

Во мраке стало пусто. Исчезли еле слышный шелест одежды, звук дыхания, похрустывание снега под ногами и всегда ощутимое, пусть и на расстоянии в пару шагов, человеческое тепло. Андрей остался один.

– И тебе всего хорошего, чародей, – пробормотал Зверев. – Хотя свет ты, колдун, выключил рановато... – В темноте он нашарил на камне ферязь, накинул на плечи, застегнул крючки. Сразу стало теплее. Побродив туда-сюда по снегу, он собрал колчаны, нашел пояс с оружием, заправил в рукав кистень. – Кажется, ничего не забыл... А то ведь монахи найдут – со свету сживут опосля... Нет, вроде все...

И он двинулся к усадьбе, над воротами которой, словно путеводные звезды, горели факела сторожей.

Обычно Звереву удавалось проникнуть домой незаметно. Сторожа, избалованные длительными месяцами безопасности, особой бдительностью не отличались, а если и подавали голос на стук засова, то отклик молодого боярина их легко успокаивал. Посему и в этот раз Андрей, особо не беспокоясь, привычно сосредоточился, положил крест-накрест руки наворот, мысленно сливаясь руками с запором, и тихо произнес заговор на одоление замков, засовов и прочих рукотворных препятствий:

– Встану утром рано, опущусь утром низко, подниму пояс железный, надену шапку медную, надену сапоги булатные. Поклонюсь на север, поклонюсь на юг, поклонюсь на запад да пойду на восток. Пойду в сапогах булатных, в поясе железном, в шапке медной. Пройду тропой мышьиной, пройду трактом широким, пройду тропинкой извилистой. Пройду сквозь гору высоко, пройду сквозь лес черный, пройду сквозь море глубоко... И тебе, воротина, меня не остановить! – Зверев резко развел положенные на ворота руки, услышал по ту сторону приглушенный стук упавшего засова и потянул на себя створку.

– Кто там шумит среди ночи? – грозно окликнули из терема.² – А ну, покажись, не то сулицу³ метну!

– Факел сперва брось, – хмыкнул Андрей. – Вслепую копьа раскидывать много ума не надо. Я это, я. Князь Сакульский, боярин Лисьин. Так что оружие хозяйское ты побереги.

– Нашелся! – неожиданно громко закричал караульный. – Здесь он, у ворот стоит.

Зверев не успел запереть за собой створку, как внутренние ворота распахнулись, мелькнула темная тень, и молодой человек сдавленно крикнул от повисшей на шее тяжести: супруга весила минимум вдвое больше Андрея, даже считая оружие и оставленные в светелке байдану.⁴ и куяк⁵

– Милый мой! Суженый мой! – Лицо Зверева стали покрывать влажные поцелуи. – Нашелся, соколик мой ясный, нашелся единственный мой! На кого ты меня покинул, на кого оставил?!

Андрей, обняв ее, стиснул от натуги зубы и ничего ответить не мог.

– Да уж, заставил поволноваться, сынок. – В воротах, в сопровождении двух холопов с факелами, появился Василий Ярославович. – Где же ты был так долго, чего засветло не вернулся?

– Родненький мой... – Полина наконец опустила ноги на землю и прижалась головой к его груди.

Князь Сакульский облегченно перевел дух, хрипло выдохнул:

– У дуба с луком упражнялся да прозевал закат. В сумерках с дорогой промахнулся и через лес продираться стал. А там снега по грудь. Вот и застрял. Пока еще оттуда выберешься! Вы-то чего беспокоились? В темноте даже тати и ляхи спят – чего опасаться? Ну, поспал бы в сугробе, вернулся утром. Одет тепло, не простудился бы. Сколько раз мы так в походе ночевали, отец!

² Терем – надстройка над воротами.

³ Сулица – короткое метательное копьё.

⁴ Байдана – кольчуга из толстых колец большого диаметра, примерно с пятирублевую монету.

⁵ Куяк – доспех из металлических пластин, нашитых на кожаную или матерчатую основу.

Боярин промолчал, а вот княгиня отпрянула и горячо зашептала:

– Да ты и не ведаешь, от беды какой тебя Господь всемилостивый отвел! На Сешковской-то горе караульные сполохи алые видели да тени летучие! То, сказывают, нежить бесовская дела свои черные творит, люд христианский извести пытается. Не иначе, душу чью-то в сети свои заловили да пожирали в час полуночный, победу новую праздновали, погибель чью-то человечью. А тебя, милый мой, дома-то и нет! – Молодая женщина опять прижалась к его груди.

Андрей поймал на себе внимательный взгляд боярина. Василий Ярославович наверняка подозревал, что без его сына бесовские посиделки не обошлись – но после того, как Лютобор исцелил его жену от бесплодия, хозяин усадьбы предпочитал не замечать дружбы Андрея со здешним колдуном. От церкви не отрекается, к причастию и на исповедь ходит – стало быть, души своей не погубил.

– Да какая там в дубраве нечисть? – отшутился Зверев. – В тамошних сугробах сам леший ногу сломит. Спит, небось в берлоге своей и про ваши страхи не ведает.

– Да ты, поди, голоден, Андрюшенька, – вдруг спохватилась Полина. – Ведь и к ужину тебя не дождались, и с собой ты ничего не брал. Без росинки маковой весь день маешься. Идем, идем скорее! Не велела я в трапезной убирать, холодную снедь стряпуха оставила и пива кувшинчик. Идем, соколик.

Крепко ухватив мужа за руку, она провела его мимо боярина и быстрым шагом увлекла в дом.

– Ворота закройте, – услышал Зверев спокойный приказ хозяина, – да спать ступайте. Сын прав, в такой мгле даже нечисть пакости творить не ходит. Хватит караульных в тереме. Пусть по стене доглядывают, и ладно.

В трапезной экономно горела масляная лампа с приспущенным фитилем. А вот стол был накрыт минимум человек на десять. Пара кувшинов – один, верно, с пивом, а другой – с квасом, с яблочным супом, как тут называли обыкновенный компот, либо с сытом. На закуску – пряженцы, расстегаи и ватрушки, копченая рыба, моченые яблоки, ветчина, нарезанный ломтями сыр, лотки с запеченной зайчатинной, соленые грибы, капуста квашеная и рубленая, изюм, хурма, курага в глубоких мисках...

– Гостей ждала? – не удержался от сарказма Андрей.

– Как же ты изголодался, верно, бедненький, – не то не расслышала, не то не поняла ехидства в голосе супруга Полина. – Ты кушай, кушай. Страшно, верно, в лесу-то было?

Она схватила пирожок и стала жадно жевать, глядя на Зверева круглыми, словно от ужаса, глазами.

– Страшно? – От удивления брови Андрея сами собой дернулись вверх. – С чего бы это?

– Ну, мало ли чего... Душегубы какие встретятся али нечисть лесная.

– Я, Полина, если ты не заметила, русский боярин, а не поросенок бездомный, – сухо ответил Зверев. – Боярин – значит, человек боя. Если душегубы меня в лесу встретят, это им бояться нужно. Да и нечисти лесной лучше сторонкой меня обходить. Скажешь тоже: страшно! За кого ты меня приняла, милая?

– Ну, – смутилась женщина. – Ты ведь все же не такой, как отец. Вон, еще и борода с усами не проглядывают. Молодому и испугаться не грех.

– Пусть ляхи боятся, – фыркнул Зверев, – а я уж в три похода сходил, не считая мелких стычек. Мне, Полина, семнадцатый год уже пошел. Чай, не ребенок. Александр Невский в мои годы уже шведов разгромить успел.⁶ А мне что – темноты в лесу бояться?

– Так он князем был, Александр-то!

⁶ Считается, что князю Александру в день битвы было что-то около девятнадцати годков. Однако точная дата и год его рождения неизвестны.

– А я кто?

Ответ заставил женщину надолго погрузиться в раздумья. Зверев же тем временем придвинул к себе лоток с зайчатинной и принялся жадно обгладывать косточки – перекусить ему и вправду хотелось. А заяц – он только в шкуре да на бегу большим кажется. На деле – задние лапы, как у петуха, а больше и есть-то нечего. Как раз голодному мужику один раз перекусить.

– Он был святым! – наконец нашла дама достойный аргумент.

– Ох, Полина, какие наши годы... – налил себе в оловянный кубок пива Андрей. – Может, и мы с тобой еще святыми заделаемся!

– Мучениками?

– Типун тебе на язык, – поперхнулся пивом Зверев. – Лучше так... За деяния всякие. Сотворим чего-нибудь доброе и душевное. Храм великий построим или пленников из неволи вырчим.

– Выкупим?

– Выкупать нельзя, – покачал головой Андрей. – Этак мы всяких выроdkов только прикормим. Они жить на том станут, что русских людей воровать, а потом выкуп просить. Нет, освобождать надобно саблей. Чтобы от похитителей только могилки безымянные оставались.

Он допил пиво, наколол на нож ломтик ветчины, сыра, сунул в рот и вернул клинок в ножны:

– Ну что, не пора ли нам на боковую? А то уж утро близится, а ты еще не ложились.

– Так и ты не ложишься, сокол мой ясный.

– Да я-то что? Все мужчины бродяги от природы. Сегодня в одном месте, завтра в другом. Сегодня засветло лягут, завтра токмо перед рассветом. Ты-то дома. Чего себя мучаешь?

– Как же я без тебя, суженого своего, мужа венчанного?

Полина опять прочно ухватила его чуть выше запястья, задула светильник и потянула за собой. В чужой усадьбе она ориентировалась на удивление уверенно: в крошечном мраке провела его через коридоры и горницу, без ошибки нашла лестницу, поднялась на второй этаж, повернула к их светелке – бывшей личной опочивальне боярского сына. Ни свечи, ни лампы здесь не горело, однако промахнуться мимо кровати, занимающей половину комнаты, было невозможно. Послышался шелест снимаемого платья, легкое постукивание и позвякивание – на сундук легли черепаховый кокошник и тяжелые золотые ожерелья. Зверев поставил к стене колчаны, нащупал верхний штырь и повесил на него пояс с саблей. На сундук внизу кинул ферязь, войлочный поддоспешник, рубаху, стянул сапоги, порты и тоже забрался под одеяло, с наслаждением вытянувшись в чистом постельном белье.

– Святитель Иммануил, как же я испугалась сегодня, – привалилась сбоку Полина. – Ладно ужин, но уже и сумерки, и ночь настала, и к полуночи дело тянется, а тебя нет и нет, нет и нет...

Андрей честно собирался спать. У него не было никаких посторонних мыслей ни раньше, ни сейчас, когда мягкая грудь молодой женщины лежала у него на изгибе локтя... И кажется, сквозь тонкую рубашку упиралась соском в самую ямочку. Когда горячее колено Полины касалось его бедра, но никак не находило себе места. Он вообще находился рядом с этой дамой лишь по велению долга и в интересах боярского рода Лисьиных. Однако ему было всего шестнадцать, ей – не больше. Они лежали рядом, они ощущали близость друг друга – и тело Андрея Зверева решило не обращать особого внимания на соображения столь незначительного рудимента, как разум.

Молодой человек ощутил, как внизу его живота выросло и напряглось нечто сильное и живое. Оно становилось все крепче, а напряжение начало растекаться во все стороны, разгорая ноги, сводя мышцы живота, заставляя сердце биться туго, но как-то невпопад, и сбивая мысли с сонных и вялых на желание хорошенько подвигаться, взорваться, разрядить это

напряжение. Причем он отлично знал, где находится источник, который принесет ему покой и сладость.

– ... я уж всякое передумала. И про татар думала, и про свенов думала, и на колдовство грешила...

Зверев повернулся к ней, начал целовать ее глаза, брови, маленький носик, шею, а руки скользнули по телу, жадно сжимая грудь, глядя ее бедра.

– Ой, Андрей... Андрей, ты чего?

– Ты рассказывай, рассказывай, – посоветовал Зверев, впился ей в рот долгим поцелуем, потом снова поднялся, касаясь губами век.

– Я испугалась... испугалась... Что ты делаешь?

Андрей сперва просто приподнял подол ее рубахи, а потом решительно стал сдирать эту деталь туалета, чтобы не мешалась.

– Что ты делаешь? Тетушка сказывала, что это грешно!

– Ты больше не принадлежишь тетушке, – напомнил ей шепотом в самое ухо муж. – Ты принадлежишь мне! Ты поняла это?

– Да... – прошептала молодая женщина.

– Повтори!

– Я принадлежу тебе, суженый мой, только тебе... – Полина откинулась на спину, отдаваясь во власть своего супруга, во власть, обещавшую неземную сладость и взрыв наслаждения, способный надолго лишить всех сил и даже разума. – Я твоя, господин мой, только твоя...

Как не раз случалось после полуночных чародейств на Сешковской горе, утреннюю разминку с оружием Андрей проспал – частично компенсировав ее напряженной тренировкой в спальне, – однако к завтраку все же вышел, ведя под руку румяную, слегка сомлевшую супругу.

Глядя, как она жадно отпивается квасом, Василий Ярославович понимающе улыбнулся, откинулся на спинку кресла:

– Вижу, у вас, молодые, тишь да ряд? Муженек среди ночи к благоверной своей под крылышко пробивался, сил не жалеючи?

– Не жалуемся, батюшка, – обтекаемо ответил Андрей. Полина же зарумянилась и опустила взгляд, словно ее уличили в чем-то неприличном.

– Оно и хорошо, что не жалуется, – прихлебнул из кубка боярин. – Гляжу на вас – и сердце радуется, себя с Ольгой Юрьевной вспоминаю. Прямо не знаю, что и делать.

– Случилось что-то, отец? – тут же напрягся Зверев.

– Нет, все спокойно пока, – покачал головой боярин. – И время до посевной еще имеется, и лед на реках пока крепок.

– Это хорошо или плохо?

– Решили мы с матушкой подарок вам, дети наши, сделать, – наконец перешел к сути дела Василий Ярославович. – Подарок дорогой, однако же и нам посильный, и вам нужный. Но, боюсь, разлучиться вам придется. Путь долгий, ночи пока еще холодные. Как бы не захворала невестка наша.

– Что же это за подарок? А далеко за ним ехать? – в один голос спросили молодые.

– Помыслили мы, – накрыл Василий Ярославович руку супруги ладонью, – что тяжело вам в княжестве летом придется. Ведомо нам, нет в тамошних местах никаких дорог. Все земли за Невой, почитай, на островах раскиданы. И захочешь – пешим оттуда к жилью иному не выберешься. Оттого и порешили мы подарить вам ушкуй. Зимой, понятное дело, по льду отовсюду выкатись. Но так земля наша русская устроена, что и по воде до любого уголка доберешься. С ушкуем добрым для вас в любое время все пути открыты станут. А покупать его, знамо дело, кроме как в Новгороде Великом, больше негде. Там, знамо, лучшие корабли обитают. И работают, сказывали, не токмо на заказ, но и для продажи суда завсегда имеются.

– Я доберусь, батюшка Василий Ярославович, – всплеснула руками княгиня. – Нечто не ездила я по путям нашим? И в Москву не раз меня возили, и к дядюшке Юрию Семеновичу, и в Новгороде была. Конечно же, с Андреем поеду. Чай, не в поход ратный собираемся, опасаться нечего.

– А ты чего загрустил, сынок?

– Ушкуй – это здорово, – потер подбородок Зверев. – Парус, весла... Вот только я ни разу сам под парусом не ходил, править им не умею. А ты, отец?

Боярин поставил кубок на стол, зачесал в затылке.

– А ты, Пахом? – повернулся к своему дядьке боярский сын.

Тот развел руками.

– Может, хоть ты в этом смыслишь, Звияга?

– Прости, княже, – привстал из-за стола вывезенный из-под Муромы холоп, – токмо на реках лады видывал.

– И на что нам ушкуй, отец, коли никто из нас им управлять не умеет? – повернулся к родителю Андрей. – А в Новгороде команду нанимать – так нам никакого серебра содержать ее не хватит. Мы ведь торговлей не занимаемся, в походы на ушкуе не пойдем. Чем серебро оправдывать станем?

– А дядюшке моему надобно поклониться, – неожиданно встрепенулась Полина. – У него судов штук пять будет, коли не более. Нечто он нам людей знающих не одолжит?

– Надо ли беспокоить... – поморщился Зверев, которому после осмотра приданого никак не хотелось встречаться с хитрожопым князем Друцким.

Однако боярин уже решил все по-своему:

– Захар, вели седлать коней! Пахом, Вторуша, Звияга – с нами. Одно седло женское положите. К дядюшке без племянницы его отпрапляться грешно.

– Зимники-то все растаяли, – сделал Андрей последнюю попытку остановить Василия Ярославовича. – Куда сейчас ехать?

– Ничто, – отмахнулся боярин. – Лед покамест крепкий, Пуповский шлях сильно раскиснуть не мог, морозы все же держатся. А уж от тракта до княжеской усадьбы верхом как-нибудь доберемся...

Извечная палочка-выручалочка усадьбы, река Окница пряталась меж высоких, почти до пояса, берегов, а потому солнце до ее поверхности добраться еще не успело, лед стоял толстый и крепкий, как в крещенские морозы. По нему, по льду, и помчалась во весь опор вереница всадников, спустившихся из ворот усадьбы по уже протаявшей дороге. За сорок минут они добрались до ведущей в Литовское княжество дороги. Она, естественно, была раскатана до коричневой глины, с готовностью размякшей под весенними теплыми лучами, но грязи здесь оказалось еще не по колено – не то что верховому, даже на телеге проехать можно. Распутица напоминала о себе, но вступить во власть над русскими дорогами еще не успела.

Здесь путники перешли на шаг – и на самих меньше грязи летит, и коням передышка. Версты три ехали без спешки – а потом свернули в пролесок и двинулись рысью, стараясь держаться снежной полоски у края глянцевого, гладкого, как стекло, зимника. На нем в такую погоду лошадь, пусть и подкованная, поскользнуться может, либо ногу сломать, коли наст подтаял и под ним до земли узкая ямка. Поди тут угадай, как солнце и тени от голых ветвей со снегом играют!

Где-то через час путники выехали в широкое поле. Здесь колея дорога протаяла до земли, и по ней, мягкой пока от силы на пару пальцев, всадники помчались галопом, уже не опасаясь никаких подвохов, обогнули поросшую осиною низину и оказались в виду усадьбы князей Друцких. Крепостица, что огородилась трехсаженным рвом и тыном на взгорке возле изогнутого ятаганом озера, размерами не превышала усадьбы боярина Лисына. Но Зверев знал, что,

помимо этой скромной обители, у Юрия Друцкого имеется дворец в полудне пути на запад, на берегу озера в Верятах, а также дом в Варшаве, подворье в Великих Луках и еще одна усадьба на литовской стороне. Если, конечно, ее Сигизмунд не разорил после перехода князя под московскую руку. По закону и обычаю – не должен был. Но закон, известное дело, всегда на стороне сильного.

Путники натянули поводья, пустили скакунов шагом. Караульные в усадьбе наверняка должны были их заметить, и требовалось дать время хозяевам привести себя и дом в порядок, разобраться с насущными делами, обдумать встречу. Ведь падать так, как снег на голову, – и грешно, и непорядочно. А ну, хозяин парится, хозяйка в погребе припасы досматривает, посреди двора добро попорченное для разбора свалено. И тут – на тебе, гости! Застанут людей в таком виде – кто виноват? А стыдно кому после сего? Так что Василий Ярославович не только подъехал к усадьбе неспешным шагом, но еще долго молился, спешившись, на выпцветшую-надвратную икону, желая дому сему радости и процветания.

Когда же он наконец шагнул в распахнутые ворота, их уже ждали. Дворня вроде как занималась своими делами, но переодета была в чистое, а двор усадьбы засыпан желтым слоем рыхлой свежей соломы. На крыльце оказалось пусто, но толстые дубовые двери тотчас отворились, появился сам князь Друцкий в собольей московской шубе,⁷ неприятно подчеркивавшей его худобу, за ним – его сын Федор в бобровом охабне и румяная княгиня в шитой серебром душегрейке поверх темно-зеленого бархатного платья, в белоснежном пуховом платке, сквозь который поблескивала жемчужная понизь. В руках она уже держала деревянный корец. Судя по тому, что пара над ним не крутилось, – не со сбитнем.

– Ба, какая радость неожиданная! – всплеснул руками хозяин и торопливо спустился со ступеней, демонстрируя высшую степень уважения. – Боярин Лисьин! Князь Сакульский с супругой! Настенька, подай гостям испить с дороги!

Женщина, спускавшаяся за спиной мужа, выступила вперед, подала Василию Ярославовичу деревянный резной корец, отделанный на кончике рукояти и на носике емкости серебряными соколиными головами, склонила голову.

Боярин сделал несколько больших глотков, сдавленно крикнул, отер усы, протянул ковш сыну. Андрей повел носом, почуял явный спиртовой дух. Ох, уж эти боярские шалости! Кто для смеха медведя дикого заместо ручного на пиру выпустит, кто коню чужому репей под хвост сунет, кто хлебного вина, как тут водку называют, вместо сбитня гостью поднесет. А отказаться от угощения нельзя – оскорбление хозяину. Он сделал вдох, поднес ковш к губам, начал пить.

На вкус, кстати, водка оказалась довольно приятной – розоватого оттенка, она имела сильный вишневый аромат и пилась довольно легко. Сделав несколько глотков, он собрался было передать емкость дальше – и тут спохватился, что Полине-то в ее положении алкоголь употреблять не стоит. Андрей крикнул, совсем как отец, после чего снова приложился к ковшу, торопливо осушил его до дна и перевернул, демонстративно стряхнув на землю последнюю каплю.

– Благодарствую, хозяйюшка! – Зверев протянул ковш хозяйке, мысленно прикидывая, сколько ему досталось. Получалось, не меньше полулитра.

– Здрав будь, Василий Ярославович, – подходя по старшинству, князь Юрий Друцкий обнял отца, затем крепко сжал сына, похлопал по спине, шепнул в ухо: – Здоров ты угощаться, зятек.

– С Полиной так не балуйте, – так же тихо ответил Зверев. – Ей нынче ничего подобного нельзя.

⁷ Московская шуба – парадное одеяние, которое подчеркивало богатство своего владельца. Посему, перегруженное мехами, драгоценными камнями, золотыми украшениями, оно было большим, очень тяжелым и крайне неудобным в ношении.

– Да ты что? – отпрянул Друцкий, перевел взгляд на молодую женщину: – Иди ко мне, девочка моя.

Дядюшка с племянницей обнялись, причем сделали это вполне искренне. Андрея даже кольнула иголочка ревности – но тут его внимание отвлек долговязый Федор Друцкий:

– Ну, здравствуй, сосед! Глянь, как Господь с нами шутит. О прошлый раз ты боярином был, а я княжичем. Ныне же я княжич, а ты уже князь. И каково тебе в новом звании?

– Звание красивое, а башка прежняя, – схватил его за руку Зверев. – Покажи мне тут тихий теплый уголок, пока ваше угощение по мозгам не ударило. А то я, почитай, в одно горло все выпил.

– А чего же ты так...

– Тебе папа потом объяснит. А сейчас отведи меня куда надо. Не хочу у всех на глазах в ногах запутаться.

– Ну, ладно... – пожал плечами Федор, – пойдем.

Он поднялся на крыльцо. Андрей поторопился следом, чувствуя уже шум в ушах и легкую слабость в конечностях. Они прошли на второй этаж, миновали короткий коридорчик и оказались в просторной светелке, сплошь выстеленной теплыми и мягкими персидскими коврами.

– Вот, сестра здесь всегда останавливалась. Мыслью, и ныне отец здесь вас разместит.

– Да, хитер у тебя папочка... – Андрей позволил себе немного расслабиться, и его тут же повело к стене. Он бухнулся на сундук, начал стягивать сапоги. – Ты знаешь, каково оно, имение княжеское, Сакульское?

– Отец сказывал, – спокойно кивнул княжич. – Там вроде двадцать дворов всего, да и те без мужиков. Говорил, по-первости, вестимо, придется подмогнуть вам с Полиной, полста воинов вместо вас выставять. Года три-четыре поможем, а там видно будет. Либо поднимешься, либо не будет с тебя вовсе никакого прока.

– С меня? – Зверев нахмурился, пытаясь осознать услышанное, но в хмельной голове одна мысль никак не хотела попадать в другую. Вроде князь Друцкий его и вправду дурить не собирался, а вроде и обозвал нехорошо. – От меня сейчас проку нет. Извини... – Он расстегнул крючки фериази, кинул ее в угол, а сам повалился в другую сторону: – Хорошо тут у вас. И кровать искать не нужно.

– Понятно, – услышал он над головой, – на охоту ты сегодня не поедешь...

* * *

В себя он пришел от холодного влажного прикосновения ко лбу. Андрей разлепил глаза и увидел пухлое румяное личико своей благоверной.

– Проснулся, ладный мой? – На крохотных пухлых губках появилась радостная улыбка. – Дядюшка мой все беспокоится, выйдешь ли к пиру. Уж и не рад шутке своей. Мыслил, токмо приятнее вино в мороз гостям будет. Ан вон оно как получилось.

– Пир? – изумился Зверев. – А разве я его не проспал?

– Нет, Андрюшенька, то всего лишь обед был. А пир в твою честь князь вечером затеял.

– Почему в мою?

– Ты же муж мой, Андрюшенька... – Полина, хотя это и казалось невероятным, зарумянилась еще сильнее.

– Понятно... – Зверев попытался сесть, но его тут же повело в сторону. Он обратил внимание, что все еще валяется на полу, на ковре, снова сел, привстал и не столько перешел, сколько упал на кровать. – Понятно. Пир, стало быть, не в мою честь, и не в твою, а в честь того, кто у тебя в конце лета на свет появится.

– Может, и не в конце, может, осенью, – стала и вовсе пунцовой молодая женщина.

– Да ты чего, родная, не знаешь, откуда дети берутся? – не выдержал Андрей. – Смущаешься, словно грешное что-то сотворить намерена.

– Так ведь грех первородный, Андрюша, – назидательным тоном сообщила женщина. – Господь наш за грех этот на крест пошел, на себя его принял. Потому как в похоти жизнь новая зарождается, и отмаливать ее весь век свой надобно...

– Это тебя тоже духовник твой научил? – чуть не зашипел от возмущения Зверев. – Вот ведь крыса бесплодная. А ты запомни: нет более святого мига, нежели тот, во время которого жизнь новая появляется. Ибо никто, кроме Бога, вдохнуть жизнь в тварь земную не может. А потому в тот час, когда женщина новую жизнь порождает, она сама равной Господу нашему становится. Какая похоть, какой грех?! Чудо это высшее, что на земле происходит, а не грех!

– Да что ты сказываешь, родный мой, – испуганно закрестилась Полина. – Да про грех первородный тебе всяк расскажет, о нем и дети малые знают. Батюшка, духовник мой, сказывал, на понимании греха своего вся вера Христова держится!

Андрей помолчал несколько секунд, не решаясь грубить сразу. Ведь учение о чуде первородном он от Лютобора, а не из Библии почерпнул, и все же не утерпел:

– Твой духовник пусть сперва хотя бы кошку родит, а уж потом других уму-разуму учит.

– Да как ты можешь?! – возмутилась женщина. – Он себя всей жизнью, всей судьбой своей служению Господу посвятил, а ты его, не зная, поносишь.

– Ой, бедная моя голова, – поморщился Зверев. – Господь, помнится, завещал прародителям рода человеческого плодиться и размножаться. И много детей у твоего духовника? Ни одного? Значит, хреново служит.

– Трое у него детей. Мальчик и две девочки.

Это был нокаут. Выросший в двадцатом веке Андрей совсем забыл, что православные священники, в отличие от схизматиков, имеют право жениться и детей в большинстве своем имеют. Так что похоть Полинин священник себе все же позволял. Но потом, конечно же, старательно замаливал. Небось власяницу весь день носил, вериги. А вечером – к попадье под одеяло, под теплый бочок...

– Ох, прости Господи, что за мысли идиотские мне спяну в башку лезут?! – теперь искренне перекрестился Андрей. – Прости, Полина, это зеленый змий, а не я дурные речи ведет. Когда там князь пир собирается затеять?

– Да уж на стол накрывают.

– Тогда вот что, милая моя. Пришли мне Пахома и крынку сыта холодного. Баню, я надеюсь, нам еще не топили?

– Не слыхала о том...

– Это хорошо. Тогда я еще и ополоснусь...

Баня для Андрея была важна еще и тем, что топили ее у князя, разумеется, не чем попало, а дровами легкими, березовыми. И в печи не могли не остаться хотя бы мелкие угольки.

Рецепты старого волхва Лютобора были далеко не всегда приятны, но почти неизменно эффективны. Оставшись с Пахомом в бане, Зверев сожрал полгорсти растертого угля, запив его чуть сладковатым сытом, облился для бодрости двумя шайками холодной, воды, растерся щелоком, снова окатился – на этот раз для чистоты, – еще раз пожевал угля и, одеваясь, чувствовал себя уже вполне вменяемым человеком.

– Куда идти, знаешь? – поинтересовался у дядьки Андрей, застегивая крючки фери.зы.

– А то, княже. Здравницы уж не раз кричали, на весь двор слышно.

– Отлично, – пригладил Зверев мокрую голову, уже поросшую коротким ежиком. – Бриться пора, я и забыл. Прямо отрок малой, а не боярин.

– Ничего, княже, под тафьей не видно, – протянул ему бархатную тюбетейку холоп. – Да и гости давно хмельные, не заметит никто. Пойдем.

Трапезная в усадьбе Друцких была вдвое больше, нежели у бояр Лисыных, примерно с половину баскетбольной площадки. Посередине крышу поддерживал могучий столб, оштукатуренный и расписанный понижу зайцами, а поверху – раскинувшими крылья соколами. Стены же оставались бревенчатые. Слюдяные окна от духоты распахнули настежь: за столом, составленным в виде перевернутой буквы «Ш», собралось человек пятьдесят, не меньше. Правда, на той стороне, что напротив входа, спиной к окнам сидели всего восемь: Василий Ярославович, сам князь, его сын, а также четыре женщины: похожая на одетого в сарафан хомячка Полина, Анастасия – жена князя Юрия Друцкого, Прасковья – супруга Федора Юрьевича, и Елена – дочь князя. Их всех Андрей видел на соколиной охоте. А вот с сорокалетним на вид, с длинными, с проседью, волосами боярином он знаком не был. Глаза незнакомца были пронзительно-черные, нос острый и чуть загнутый, похожий на клюв коршуна, щеки впалые, на подбородке торчала короткая козлиная борода. Скорее всего, чужестранец откуда-то из немецких земель. На Руси бояре волосы отпускали только в знак траура, да и бороды предпочитали не уродовать.

– Это он! – Увидев в дверях Зверева, князь Юрий хлопнул ладонями по столу, встал: – Вот он, муж племянницы моей, Полинушки, князь Сакульский! О прошлой весне под Островом един тысячу ляхов одолел!

– Ну, не тысячу, всего несколько сотен их было, – смутился от такого напора Андрей. – Да и не один я был. Федор Юрьевич, вот, тоже рядом бился.

– Было дело, – признал княжич. – Однако же вместе мы всего пару часов выстояли. Опося я ушел рать для атаки собирать.

Все же было видно, что ему приятно: ратный товарищ друга не забыл, себе всю славу присвоить не пытается.

– Вы гляньте на него, – продолжил похвальбу хозяин дома. – Всего пару часов назад един четверть вина хлебного выпил, а ныне уже стоит, бодр и строен, ровно скакун туркестанский!

Насчет четверти князь, разумеется, загнул – трех литров Зверев никак не принял. Однако хвалить так хвалить – отчего и не приврать раза в три-четыре? Непонятно только, ради кого вельможный князь старается. Не для детей же боярских?

Андрей уже неплохо разбирался в нравах этого мира, чтобы понять, кто есть кто. Внизу стола обычно сидели люди самого низкого положения. Иногда туда даже нищенок и бродяг пускали, коли место и угощение на пиру оставалось. Сейчас здесь сидели крепкие мужики в атласных и шелковых рубахах, некоторые – в шитых катурлином душегрейках и поддоспешниках. Это, понятно, были холопы. Ближе к хозяину разместились гости с бритыми головами в тафьях, украшенных серебряным и золотым шитьем, парчой и шелком, в ферязях с самоцветами и дорогими вошвами, – ясно, дети боярские. Те, кто живет на землях князя, ходит под его рукой, выступает в походы и на смотры по его приказу. В дети боярские попадали те бояре, кто разорился, кто обеднел, кто оказался при дележе наследства с пустыми руками. Они могли происходить из самых знатных родов, но по сути – все равно являлись княжеской дворней. Во главе же стола место нашлось только для бояр вольных, для тех, кто отчет лишь пред Богом и государем держит. Перед дворней Друцкий распинаться не станет, да она и сама наверняка с ним в поход ходила, ей по чину положено. Перед Василием Ярославовичем сына нахваливать тоже глупо, он и так наследника любит. Получается... Неужели для иноземца старается?

– Что нам четверть? – подняв руки, Зверев небрежно потряхнул ладонями. – Разве с дороги согреться да усталость снять. А для настроения уж поболее выпить надобно.

– Вот он, витязь настоящий! – обрадовался хозяин. – Егор, поднеси чарку князю Андрею Сакульскому!

И Друцкий хлопнул по столу своим серебряным кубком. Один из холопов на конце стола подпрыгнул, пробежал до хозяина, из его покрытого тонкой чеканкой кувшина с высоким горлышком наполнил до краев емкость и, затаив дыхание, через весь зал донес до гостя. Зверев

принял подношение и в наступившей тишине, под десятками изумленных взоров начал пить. В кубке опять была водка, и опять – с густым вишневым вкусом. В этом Андрею повезло – обычную «Столичную» выпить мелкими глоточками бутылку зараз он бы ни за что не смог. А так...

Зверев откинул голову назад, немного постоял, после чего отвел кубок таким, как есть, – перевернутым – в сторону. На пол сиротливо уронились крохотная розовая капля.

Трапезная взорвалась приветственными криками, а князь Сакульский легкой походкой обогнул комнату и занял место справа от князя, рядом с его сыном, но перед отцом. Как говорится, без обид: ныне он Друцким родственник, а вот Василий Ярославович – нет.

– Что-то в горле пересохло, – заглянул себе в кубок Андрей. – А надо бы нам за хозяина по полной выпить.

Бояре опять восторженно заревели: умение пить и при этом твердо стоять на ногах на Руси ценилось всегда. Вряд ли кто из них мог сейчас подумать, что половина желудка и треть кишечника юного гостя забиты перетертым в ладонях углем. И что уголь этот еще вдвое больше хмеля всосать способен, нежели Андрей у них на глазах выпил, прежде чем хоть что-то в кровь попадет.

– Молодец, княже, ой, молодец! – Друцкий, пригладив свою жиденькую бороденку, наколот на уже полупустом опричном блюде крупный кусок мяса, протянул Звереву. Тот, выхватив нож, стряхнул угощение себе на круглый золотой поднос с двумя кусками хлеба, а хозяин тут же наколот и подал ему еще кусок. – Молодец! Помню, ты мне сразу, едва я тебя первый раз увидел, понравился.

Похоже, Юрий Друцкий со-овсем забыл, как при первой встрече Андрей чуть не порубал его холопов вместе с хозяином. А вот Зверев после оскорблений, услышанных тогда в Свяжске и перед битвой возле уже упомянутого Острова, после наглого обмана с приданным ни малейшей привязанности к своему новому родичу не испытывал. Даже теперь, когда знал, что князь Друцкий намерен первые годы поддерживать молодых, выставляя вместо него, Андрея, положенные с княжества полста воинов на царскую службу. Но что поделать, коли судьба сводит с теми, кто неприятен, и разводит с теми, к кому тянешься всей душой? Женильба на Полине спасла Лисына-старшего от судебной тяжбы, а ему принесла титул. Теперь, чтобы выкрутиться, спастись от проклятия и нищеты, полагаться придется на новых родственников, нравятся они или нет...

– За здоровье хозяина земель здешних, славного князя Юрия Друцкого хочу выпить, – поднял кубок Андрей. – Долгие лета князю, доброму соседу нашему, отважному воину, честному христианину и славному человеку!

– Долгие лета!

Бояре, повскакав с мест, вскинули кубки, ковши, ковки, чаши и чарки, дружно выпили. Хозяин тоже – правда, не вставая, но благодарно кивнув. Отставив кубок, Друцкий спохватился:

– Да, княже, познакомиться тебя хочу. Гость мой, из датских земель приезжий. Барон Ральф, владетель Тюрго, знатный и богатый боярин европейский.

Крюконосый чужестранец вскочил и сотворил красивый реверанс. Андрей, встав, ограничился поклоном.

Барон, владелец Тюрго... Если Звереву не изменяла память, баронов, владеющих большими землями, на западе называли графами. Значит, о знатности своей гость сильно прихвастнул. К тому же его кожаный, а не суконный, пурпур – пусть даже в кокетливые разрезы на рукавах и проглядывал алый шелк, – был одежкой недорогой и практичной. Шелком вечно нищей Европе кого-то удивлять можно, но никак не на Руси. Последний сын боярский за этим столом впятеро богаче одет был. Так что поместье Тюрго приносило своему владельцу не больше дохода, нежели могло принести Сакульское княжество. Скорее всего – только титул

и право на место за княжеским столом. Вот и шастает барон по свету, ищет, где меч свой подороже продать да перекусить на халяву... Вернувшись на скамью, Андрей наконец-то взялся за еду, но не успел прикончить и первый кусок давно остывшего мяса, как его толкнул локтем в бок молодой Друцкий:

– Ну что, княже, айда завтра на охоту? Бо засиделся я тут, тоска смертная. Все при делах да хозяйствах, меня же отец все не допускает, за малого держит. А одному в поле скучно.

– Какая нынче охота? – пожал плечами Андрей. – Снег кругом. Перелетная птица не вернулась, до лесной не добраться. Токмо соколов понапрасну морозить.

– Полина сказывала, ты до заячьей охоты большой любитель. Вот на нее и поскачем.

– Снег же вокруг, Федор Юрьевич! Какие зайцы? Завязем!

– За Золотым холмом на южной стороне уже трава пробивается, Андрей Васильевич! – горячо зашептал Друцкий. – А понизу заросли ивовые, тоже все растаяло давно. Где сейчас еще косым обитать, как не прутья ивовые грызть? Поехали, все едино корабелы, коих батюшка вам дает, токмо через день сюда доберутся.

– Корабелы? – Зверев повернулся к Василию Ярославовичу. – Вы никак стоворились уже, батюшка?

– Был за обедом разговор, – хмуро ответил боярин и опрокинул в себя кубок. – Посмотрим.

– Морской, морской ушкуй вам покупать надобно! – встрял в разговор хозяин дома. – Токмо морской! По Ладоге на обычном никак плавать нельзя. Шторма там – на море Северном таких не бывает. Обычный ушкуй враз разобьет, первой же волной. Сгинете, и слова за вас пред Богом никто замолвить не успеет.

– Морской? – Причина хмурости отца стала понятна. Обычный ушкуй – это просто большая плоскодонка. Морской же – настоящий корабль с носовыми и кормовыми надстройками, со съемной мачтой, с косыми и прямыми парусами. И стоит он соответственно. На подобные расходы Василий Ярославович, видимо, не рассчитывал.

– Так едем, друже? – опять пихнул Андрея в бок княжич. – Завтра с рассветом на охоту?

– Едем, – кивнул Зверев.

– Ура, бояре! – рубанул рукой воздух младший Друцкий. – На охоту завтра отправляемся! Повеселимся по последнему снегу!

– Повеселимся! На охоту, на охоту! – поддержали Федора несколько голосов.

Прямо не боярские дети, а пацаны малые. А то без Андрея их никто на охоту не пускает! Хотя, с другой стороны, – тяжело трезвому среди пьяных. Зверев с тоской заглянул в кубок, сделал пару глотков зелья, от которого сам же надежно защитился древним колдовством, и уныло вздохнул: – На охоту так на охоту.

На рассвете Андрей проснулся сам. Привык уже в этом, не избалованном развлечении, мире посвящать утренние часы тренировке с оружием. Полина пристроилась рядом и тонко, как мышка, сопела, положив голову ему на плечо. От нее припахивало чем-то кислым. Видать, не удержалась-таки вчера, приложилась к вину на шумном пире. То-то глаз теперь не разомкнуть: супруг поднялся, а она и не заметила, подушку вместо него обняла.

Андрей пригладил ежик на макушке – ох, побриться надо было перед отъездом. Да только с Василием Ярославовичем разве угадаешь, когда в дорогу сорвешься? Князь Сакульский надел тафью, после чего натянул полотняные порты, татарские мягкие войлочные шаровары, влез головой в ворот пронзительно-сиреневой атласной косоворотки с алой вышивкой вдоль ворота и по подолу, опоясался непривычно легким без сабли ремнем. Не в поход ведь собирались, в гости к соседу и родственнику. Все-таки кистень Зверев в рукав уронил – как же совсем без оружия, всего с двумя ножами? Затем он намотал портянки и обулся в темно-

синие, из мягкой козьей кожи, сапоги, кинул на плечи суконную, подбитую нежным колонком, ферязь с длинными рукавами.⁸

Ради холодной погоды поверх тюбетейки Зверев натянул простенький рысий треух с длинным рысьим же хвостом у левого уха и продолговатой золотой пластиной с сапфиром в центре, на лбу. Осталось просунуть руку в петлю хлыста – и русский князь мог показаться на люди.

Разумеется, родовитому боярину не мешало бы еще иметь и три-четыре толстые золотые цепи на шее, и по массивному перстню на каждом пальце, но тут Андрей как-то во вкус своего звания пока не вошел и носил только одну «гайку»: подаренное государем Иоанном Васильевичем кольцо с кроваво-красным рубином.

К удивлению Зверева, боярские дети не лежали пластом после вчерашнего праздника. Точнее, лежали не все: минимум полтора десятка гостей уже толклись во дворе, в охабнях, овчинных тулупах и долгополых опашнях из волчьих шкур. Фыркали лошади, сустились холопы, поднося потники и пристраивая на широкие конские спины деревянные седла с низкими луками и двумя-тремя подпругами. Местные оделись куда более практично, нежели приехавший в гости князь Сакульский. Овчинный тулуп порвется – невелика потеря, а уж шубу из волчьих шкур и потерять не жалко. Барон Тюрго даже простенький свой пурпуан поменял на стеганый ватный поддоспешник и подбитый лисицей плащ, вместо мягких суконных туфель с высоко загнутыми носками надел толстые юфтовые сапоги. Андрей даже засомневался – а не попросить ли и ему какую-нибудь крепкую кожаную куртку. Но тут на крыльце появился Федор Друцкий – в красных сапогах, алых шароварах и зеленом каракулевом зипуне, каждый шовчик которого был отделан красным шелковым шнуром, вместо пуговиц служили прозрачные янтарные палочки.

– Как вы изящны, княжич, – подобострастно склонил голову барон.

– А мы с князем из седла вылетать не собираемся! Правда, друже? – Сын хозяина подошел к Андрею, порывисто его обнял. – По коням, бояре, по коням.

Друцкому подвели скакуна – но он выждал, пока Звияга подбежит с гнедым жеребцом к Звереву, и поднялся в седло одновременно с гостем. Следом начали вставать в стремя и все остальные. Лошади затоптались, задвигались, во дворе неожиданно стало тесно. Тут открылись двери в подклети, и появились подворники в чистых рубахах, с подносами в руках. Боярские дети наклонялись, подхватывали по кубку, опрокидывали в рот, ставили обратно. Андрею при виде нового угощения стало нехорошо – но это оказался всего лишь вареный хмельной мед. С утра – как раз то, что нужно.

Ворота усадьбы наконец распахнулись, и кавалькада охотников вынеслась наружу.

– Тут рядом, – держась стремя в стремя со Зверевым, крикнул Друцкий. – До Золотого холма всего верст пять. Враз домчимся.

– А отчего Золотой? Прииск там, что ли?

– Нет. Просто в ясный день, когда хлеба колосятся, с озера такой вид на него – ну ровно купол церковный. Посему иногда его и Святым прозывают, а иногда Лысым. Деревья на нем отчего-то никогда не росли.

По дороге охотники миновали низину за усадьбой, поднялись на взгорок. Здесь стараниями зимних ветров снега было меньше, чем по колено, и всадники развернулись в широкую цепь, легко мчась на рысях. Барон Ральф начал вырываться вперед, кто-то из боярских детей возмущился такой наглости и перешел в галоп. Датский гость тоже отпустил поводья, опять оторвался. В скачку стали втягиваться и другие бояре. Даже Зверев не удержался и дал гнедому шпоры – но княжич хлопнул его по колену, кивнул в сторону, и они отвернули от прочей

⁸ Ферязь обычно шилась вовсе без рукавов и надевалась под шубу. На парадном приеме ферязь – еще одно удобное место для размещения золотого шитья, самоцветов, золотых бляшек, драгоценных пуговиц и прочей демонстрации богатства.

группы к крутой горе, на которой из-под снега тут и там выпирали седые от изморози валуны. В общем, лучшее место, чтобы переломать ноги лошадям. Однако Друцкий, пустив скакуна шагом, решительно двинулся вверх по склону, и Андрей волей-неволей отправился следом.

Минут за десять они в сопровождении трех бояр поднялись на вершину – и впереди открылся обширный, версты на три, пологий спуск, переходящий в испещренное проталинами поле, которое вполне могло оказаться замерзшим озером. Где-то посередине между вершиной и полем начинались ивовые заросли высотой примерно в полтора человеческих роста – аккуратно со всадника. Заросли спускались почти на версту и расходились версты на три в стороны, плавно переходя с одного края в березняк, а с другого – в густую дубраву. От копыт скакунов до кустарника земля уже успела оттаять и лежала голая, покрытая жухлой листвой.

– Глянь, друже, – натянул поводья Федор Друцкий. – Тут уже весна.

– Это верно, – согласился Зверев. – Боюсь только, если кто в нее поверит, первой же ночью вымерзнет. Ну, и где тут хваленые жирные зайцы?

– В лесах снег еще высокий, а в кустах уже сошел. Опять же – кора. Где еще, как не внизу?

Охотники пустили коней шагом, приглядываясь к ивняку. Когда до зарослей оставалось сажень десять, у одного из косых не выдержали нервы – белый комок метнулся с края поля в низкую поросль, стремительно заскакал меж голых прутьев. Зимний мех, спасавший зверька зимой, теперь, на темных проталинах, стал его предателем.

– Ату!

Все пятеро всадников повернули следом, но Андрей оказался самым быстрым. Он промчался через молодой ивовый куст, пригнувшись, проскочил под суком высокого дерева, перемахнул какой-то сугроб, еще один. Заяц, как ни старался, а умчаться от резвого жеребца не мог. Вот до него осталось пять сажень. Три...

Зверев наклонился вперед, занося руку для удара, и... Конь вдруг ухнул куда-то вниз, резко остановился. Андрей полетел из седла и только чудом удержался – не благодаря ловкости, а запутавшись в стременах. Гнедой, возмущенно фыркая, резкими скачками начал выбираться из низины, полной снега почти ему по брюхо, – наст, выдержавший зайца, под тяжестью всадника, естественно, провалился.

– Ты цел, княже?! – Федор Друцкий осадил скакуна сажень в сорока.

– И заяц тоже! – возмущенно ответил Андрей. – Кто клялся, что снег на горе сошел, японская сила?!

– Почти везде сошел, княже, – со смехом ответил Федор Юрьевич. – Ладно, повезло косому. Тут еще найдется. Больно резво ты пошел. Я бы упредил, что ямина тут старая.

– Заяц! – Двое бояр отвернули влево, кони их, срываясь с места в карьер, сделали несколько прыжков.

– Скорее, княже! – заторопил Друцкий. – Нагоним!

Но к тому времени, когда гнедой, фыркая, выбрался наконец в ивовую поросль, охотники, грустные, уже возвращались.

– Ушел, бестия! Как сквозь землю провалился! И тут у них прямо из-под копыт порскнул в сторону белый комок.

– Стой! – Бояре помчались следом.

Андрей рванулся наперехват. Ушастый зверек нырнул под корни довольно высокого кустарника. Зверев пустил коня левее и по ту сторону едва не столкнулся лоб в лоб с детьми боярскими, насили разминувшись. Однако заяц исчез, только его и видели. Один из бояр не поленился спешиться, пошарил под кустами:

– Нету! И куда только делся, нечистая сила.

– Не, с соколами проще, – подъехал Друцкий. – Сокол сам дичь достанет, только спусти. А тут я и коня поворотить не успеваю, как вы уже умчались. За ловчими, что ли, послать?

Они начали выбираться из растущего выше стремени кустарника в поле, как вдруг краем глаза Андрей заметил внизу какое-то движение. Едва не разодрав губы коня, он рванул правый повод, повернул за косым, дал шпоры. Тот успел оторваться всего на десяток саженей и уйти далеко не мог, никак не мог – не будь он князь Сакульский!

– Ату, ату его, ушастого! – разворачивались позади него в погоню боярские дети.

– Давай, давай, родимый, – взмолился, уговаривая гнедого, Андрей. – Не дай сухим вернуться.

Скакун, тяжело дыша, мчался во весь опор, стаптывая молодые ветки и раздвигая грудью кусты.

– Давай, чуть-чуть осталось.

Косой, словно услышав предупреждение, резко повернул к старому высокому кусту, метнулся под корни.

– Шайтан! – Зверев, никуда не сворачивая, отпустил поводья и дал шпоры коню. Гнедой взметнулся, как стартующий «Миг», с шелестом проломился сквозь ветви, ударился передними копытами в снег – но под тонким настом оказалась земля, и скакун тут же прыгнул снова, уже через лежащее поперек пути деревце, помчался по низким кустам, меж которыми мелькала белая спина.

Позади послышался треск, ржание, крик – но охвативший князя азарт не позволил ему оглянуться. Гнедой скакнул, перелетая еще один куст, и приземлился аккуратно рядом с прижавшим уши, мчащимся во весь опор зверьком. Косой метнулся было вправо, но не успел: едва не выпав из седла, Зверев наклонился вниз, взмахнул рукой, и вылетевший из рукава грузик кистеня опустился бедолаге точно между глаз. Беляк закувыркался, но Андрей успел поймать его за шкурку, подбросил вверх и перехватил левой рукой. Он потянул на себя поводья, предупреждая скакуна, что можно больше не торопиться, вернул кистень на место, взял обмякшую добычу за уши и поворотил назад.

К склону Золотого холма, оказывается, уже успели добраться остальные охотники, ехавшие кружным путем.

– Тут зайцев, как комаров летом! – гордо показал им добытую дичь Зверев, и под одобрительные выкрики кинул в чересседельную сумку.

Бояре, то и дело вставая в стремени, чтобы дальше оглядеться, начали разъезжаться по кустарнику, и вскоре у левого края поля уже разгорелась погоня.

– С почином, Андрей Васильевич, – поздравил Федор Друцкий. – Токмо где ты бояр моих потерял? Ужель из-за косого повздорили?

Князь Сакульский непонимающе вскинул брови, потом развернул гнедого, поскакал к месту удачной охоты. Навстречу уже выезжали боярские дети... Двое выезжали, один, хромая, шел следом.

– Что там, служивые?! – бодро поинтересовался княжич.

– Мерина прирезать пришлось, – сообщил один из всадников. – Ноги передние переломал среди корней. Через голову упал, да еще на боярина Семеновского. Хорошо, не сломал ничего.

– Вот проклятье! – вздохнул Зверев. – И конь вроде красивый был. Туркестанец?

– Все одно засекался⁹ мерин, – махнул рукой Друцкий. – Оттого и оскопили туркестанца.

Андрей понял, что скакун был из княжеской конюшни. Похоже, косой смог вывести из строя одного из хозяйских телохранителей.

– Берегись!

Слева от них, высоко выбрасывая из-под копыт комья грязи, неслась конная лава. Всего семь всадников – но затоптать с ходу враз способны. Возглавлял «атаку» среднего размера

⁹ Засекался – ранил во время скачки самого себя копытами. Обычно – задевая одной ногой другую.

беляк, решивший, что уйти от преследователей в поле будет проще, нежели в кустах. К счастью, увидев впереди новых врагов, он изменил свое мнение и повернул к ивам. Княжеские телохранители, не утерпев, понеслись следом. Андрей, поколебавшись всего секунду, тоже пустил гнедого во весь опор.

Косой – видимо, у них тут был практикум по избавлению от охотников – по знакомой дорожке лепетнул к старому кусту. Пока прочие бояре помчались вокруг, Андрей отпустил поводья, дал шпоры, знакомо взметнулся сквозь крону, тут же скакнул еще раз через поваленное дерево, прицелился взглядом в близкий комок – и тут услышал позади треск и громкие вопли.

На этот раз он оглянулся: обходившие куст с двух сторон бояре сошлись на тесном пространстве лоб в лоб. Одна из лошадей теперь билась на земле, пара охотников вылетели из седел. Когда же Зверев снова глянул вперед – заяц уже исчез, словно в воздухе растворился.

– Вы там на длинноухих охотитесь или с горными троллями деретесь? – охнул Друзцкий, услышав о новых пострадавших. – Это всегда так, князь Андрей, али мы не так что-то делаем? Вы с отцом сколько холопов за сезон теряете?

– Это у вас, видать, зайцы особо матерые, Федор Юрьевич, – развел руками Зверев. – Опять же дома я обычно один в поле езжу.

– Смотрите, заяц!

Возле пострадавших остались только барон, Андрей Друзцкий и двое телохранителей – прочая толпа, забыв обо всем на свете, сорвалась в новую погоню.

– Нет, – решительно покачал головой сын хозяина имения, – есть в увлечении твоим некая лихость, княже, спорить не стану. Но соколиная охота изящнее будет. Птица дичь и выследит, и свалит, а тебе токмо подобрать ее останется да зрелищем бойцовым насладиться. Боярин Савелий, сделай милость, скажи в усадьбу, вели лекаря нашего прислать, трое саней и сокольников моего с Чулагой. Чулага, помню, зайцев для меня брал. И пусть Расстегу и Крошу захватит, Чулага с ними работал.

– Сделаю, княже, – поклонился один из телохранителей и поскакал вверх по склону.

– Заезжие купцы рассказывали, – сообщил барон, – что ловчие птицы герцога Анжуйского брали даже волков, причем самых матерых.

– Видать, мелковаты матерые волки у вас во Франции, – хмыкнул Зверев.

– Это не у нас, князь Андрей, – спокойно парировал чужеземец. – В датских землях на волков не всякий охотник в одиночку рискнет выйти. Пусть даже на то и соизволение господина имеется.

– Есть, есть почин! – выбрались из кустарника разгоряченные погоней охотники. Один из них нес на вытянутой руке мелко вздрагивающую тушку зверька. – Под ели на опушке уйти хотел, да прыти не хватило!

– Потери есть? – деловито поинтересовался Друзцкий.

– Да чего там, легко взяли. Только погоняй!

Боярские дети наперебой хвастались своей добычей, и Зверев, пользуясь моментом, отъехал в сторону, двинулся по границе поля и кустарника. Ведь не может же быть, чтобы в таком ивняке всего двое косых водилось! Где-то здесь должны быть еще!

Поиски увенчались успехом уже минут через десять: приближение всадника спугнуло затаившегося у небольшой елочки русака. Заяц, петляя, кинулся наутек – это его и сгубило. Андрей пустил гнедого прямо, легко пробиваясь через кустарник, что едва доходил коню по грудь, через сто сажень догнал бедолагу и оглушил с седла тяжелым грузиком. Правда, подхватить добычу Зверев сразу не успел и пришлось возвращаться. К его удивлению, возле тушки охотника поджидал барон Тюрго.

– Ловко у вас это получается, князь, – вежливо склонил голову чужеземец. – Просто удивительно: так точно наносить удары столь капризным оружием!

– Жить захочешь – научишься, – резко наклонившись, прямо с коня подхватил добычу Андрей. – И вам настоятельно рекомендую потренироваться, барон. Когда в битве встречаетесь с рыцарем, то о его доспехи можно сильно попортить заточку клинка. Между тем один точный удар кистеня по ключице – и это уже не враг, а игрушка для холопов. Они и добыют. Колотите прямо по кирасе. Мне пока не встречалось ни одной, чтобы не прогнулась.

– Да, это неодолимое противоречие, – с готовностью признал барон. – Коли выковать броню, неуязвимую для удара, ее оказывается невозможно ни поднять, ни носить. А коли ковать ту, что не утомляет в битве, – ее легко проткнуть любым стилетом. Вы знаете, князь, швейцарские наемники вовсе никогда не носят доспехов. Они утверждают, что в бою легче выжить подвижному воину, нежели закованному в железо. И уже не раз наносили поражение лучшим армиям Швабского союза.¹⁰

– Забавно, – рассмеялся Андрей. – Похоже, им никогда не доводилось стоять под татарскими стрелами или в плотном строю.

– Вы с ними не согласны, князь? – пристроился рядом с едущим шагом Зверевым барон. – Я слышал, русские тоже не носят брони.

– Русские не носят кирас и доспехов, – поправил Андрей. – Мы предпочитаем гибкую броню. В ней и из лука стрелять сподручнее, и в сече вертеться проще. Опять же мало кто носит поножи и наручи, предпочитаем сделать бахтерец покрепче.

– Но ведь так легко лишиться руки или ноги!

– Ничего не поделать, барон. – Зверев потрепал отдыхающего на медленном шаге гнедого по шее. – Нельзя повесить на человека больше двух пудов железа и надеяться, что он сможет сражаться. А значит, придется делать или одну толстую железку, или много тоненьких. Потому-то и кирасы у вас толще миллиметра не куются, что еще наручи и поножи рыцарю привесить нужно. У нас же на трехслойном бахтерце каждая из пластин крепче будет. А они еще и перехлестываются!

– Ваши речи выглядят куда старше вас, князь Андрей, – согласился барон Ральф. – Мне не часто приходилось встречать таких мудрых людей. Я уверен, мой король, Кристиан Ольденбургский был бы рад видеть вас среди своих друзей.

– Мое почтение королю датскому, – широко усмехнулся князь Сакульский, – но, боюсь, мы никогда не увидимся. Вряд ли я когда-либо попаду в Данию, и вряд ли его величество когда-либо навестит мое княжество.

– Кто знает, кто знает, – не согласился иноземец. – Жизнь длинна, а повороты ее иной раз столь затейливы... К тому же дружба с королями порою бывает весьма выгодна. Например, некие земли в русских имениях удивительно безлюдны. И где может найти для себя рабов обычный боярин? В стычках на востоке ничем не разживешься, кочевника невозможно превратить в пахаря. Его проще убить, нежели запрячь в соху. На западе каждый шляхтич готов скорее зарезать своих смердов, нежели отдать москвитам. Без большой войны здесь пленников не добыть. Ведь так, княже?

Андрей промолчал. Все перечисленные способы увеличить население княжества долгой зимой обсуждались им с боярином Василием Ярославовичем не раз – и каждый раз отвергались как раз по этим причинам.

– Между тем на рубежах моей любимой славной Дании не первый год кипит смута, – продолжил барон. – В лоне церкви лютеране и кальвинисты бунтуют против римской власти и ее таинств, вне церкви одни христиане именем Христа убивают и разоряют других христиан, тысячами продавая несчастных в рабство, и изрядная часть этих рабов попадает на рынки

¹⁰ Швабский союз – союз имперских рыцарей и имперских городов юго-западной Германии. Во время Крестьянской войны начала XVI века успешно разгромил реформаторов, а вот в Швабской войне был жестоко бит тогда еще не знаменитыми швейцарскими ополченцами.

Орхуса, Свенборга и Гессера. И хотя продавать людей в Московию запрещено во всех ганзейских и датских портах, слово короля может иметь очень большое значение. К тому же для своих друзей король может пойти на некие расходы и одолжить, скажем, сто талеров серебром. Этого вполне хватит, чтобы заселить среднюю датскую деревню.

– Король Кристиан намерен платить русским князьям? – не поверил своим ушам Зверев. – Он надеется набрать здесь армию? Боюсь, его казны не хватит даже на татар. Я не раз слышал об английских, немецких, французских, шведских наемниках, что служили на Руси, но никогда не читал о русских наемниках в Европе. К тому же мы привыкли проливать кровь не за золото, а за честь. Честный же человек может служить только России.

– Ну, что вы, князь, – засмеялся барон. – У короля и близко нет таких мыслей. Он не пытается перекупить вас, князь Андрей. Это серебро будет всего лишь знаком дружбы. Подумайте, князь. Сто талеров – это цена целой деревни. Это стоимость воинского снаряжения от лучших мастеров либо половина цены добротного ганзейского кога.

– Вы хотите сказать, барон Ральф, что датский король успел узнать про меня так много, что готов не глядя осыпать золотом? – как можно спокойнее поинтересовался Зверев.

– Не обязательно о вас, князь, – медленно, взвешивая каждое слово, ответил датчанин. – Имелись рекомендации многих знающих людей. Опять же, слово князя Юрия Друцкого значит очень и очень многое.

– Друцкий... – задумчиво пробормотал Зверев. – Вот, значит, чья тут лапка волосатая проглядывает.

То, что его вербовали, покупали самым беззастенчивым образом, Андрей понял уже давно, с первых фраз. Барон не разговаривал – барон подлизывался, втирался, как сальный винт в колесную чеку. Не понимал Зверев одного: зачем он мог понадобиться датчанам? Какое им дело до хозяина затерянного среди каменистых карельских протоков безлюдного княжества? Или ловкий родич просто давал возможность молодым супругам поправить свои дела за счет чужой казны? Сто талеров... Сто талеров на дороге не валяются. Особенно в их положении. Это целая деревня с населением из пятидесяти, а то и ста смердов – смотря почем сейчас идут невольники в Европе. Это морской ушкуй, на который у отца не хватает денег. Но что взамен? Как ни ловок князь Юрий, датчане тоже не такие дураки, чтобы одаривать щедрой рукой совсем ненужного человека. Что-то они должны на этом иметь...

«А вдруг... – Андрей похолодел от неожиданной мысли. – А вдруг большая война уже готовится? Но начнется она не с Польшей и Османской империей, а здесь, на севере? Быть может, датчане готовят измену уже сейчас, заранее? И когда армии сойдутся для битвы, окажется, что половина русских воевод не намерены побеждать своих поработителей? Несколько сотен князя Друцкого, полсотни боярина Лисьиного, еще столько же его, князя Сакульского. Сотня там, сотня здесь – что будет с Русью, если хотя бы половина бояр в решительный час вдруг откажутся идти в битву?»

– Ваши посулы, барон, очень похожи на приглашение к предательству, – немедленно отчеканил Зверев. – Для меня нет иного господина, кроме московского царя, и иной родины, кроме Руси. Я достаточно ясно выразил свою мысль?

– Какое предательство, помилуй Бог?! – всплеснул руками иноземец. – Вы же вольный дворянин, княже! Свободный человек!

Как ни забавно это звучало, но это было правдой. Средние века жили иной моралью, нежели станут жить далекие потомки. Это в двадцатом веке англичанин, перешедший к немцам, или вьетнамец, служащий американцам, однозначно считались предателями, подонками и безродным отребьем. В нынешнем времени дворянин имел право сам выбирать господина. Вот перешли князь Друцкий и князь Воротынский из-под литовской руки под московскую – ну и что? Такова их вольная воля. Какая разница, воюет Москва с Литвой или нет? Воевали

на одной стороне честно, теперь так же честно против бывших друзей драться станут. И ведь такое, случалось, прямо во время битвы «вольные дворяне» отчебучивали!

– Я уже год, как не свободный человек, – покачал головой Зверев. – Я дал клятву верности государю московскому Иоанну Четвертому. У меня есть только одно честное слово, барон. И я его уже дал!

Князь Сакульский отпустил повод и помчался сквозь кусты к яркой, похожей в солнечном свете на огромный изумруд, фигуре Федора Друцкого в нарядном зипуне, так ни разу и не заехавшего с поля в кустарник. Княжич гарцевал неподалеку от своих людей, дожидавшихся помощи после схватки с длинноухими трусишками.

Андрей спешил к ним, присел рядом с телохранителем хозяйского сына, прощупал ногу, на которую тот прихрамывал, повернул из стороны в сторону:

– Вроде целое все, боярин. Чего болит?

– Да вот, от бедра. И дышать больно за грудиной.

– Понял. С ногой скорее просто ушиб, а вот ребра могли и пострадать. Надо плотно грудь обмотать, чтобы не сдвигались, коли сломаны. Есть ткань какая-нибудь?

– Откуда, княже? Чай, не в поход ратный, на охоту собирались.

– Да, охота нынче удалась... – Зверев повернулся, без предупреждения схватил подвы- вающего бородача лет сорока чуть выше ступни и со всей силы рванул к себе.

Тот вскрикнул, схватился за колено:

– Больно же, князь!

– Было больно, – улыбнулся Андрей. – А теперь вставай. Вывих это был. Небось, лошадь через ноги перекатилась?

Боярин согнул ногу, недоверчиво постучал ступней по земле, встал, опять постучал:

– Да ты кудесник, княже!

– Какой кудесник, костоправство обычное, – отмахнулся Зверев.

В учении Лютобора как раз лечение ран, переломов и вывихов было самой простой из наук. Порошком из ноготков присыпать, сухой мох болотный примотать – и все. Или кость сломанную в лубок уложить. А вот попробуй все травки лечебные запомнить! Они же все ядовитые, целительные или бесполезные одновременно – в зависимости от того, когда собира- ешь, как запасает и где хранишь. Причем рецепты совершенно разные получаются. Девясил отваром от ревматизма помогает, порошком, замешанным с мукой и медом в шарики, – от болотной лихоманки, по признакам больше похожей на грипп, а в виде винного отвара – от заворота кишок. Обычная гречка, оказывается, ядовита страшно – правда, в малых дозах как снотворное или просто успокаивающее средство годится. А если цветы скотине подсыпать – то у той шерсть начинает клочьями выпадать. Можжевельник от чесотки помогает, от женских болезней и как мочегонное. Он же имеет свойство нежить отпугивать видимую и невидимую, порчу отводить. Рябина способна порчу, проклятия и некие заклинания впитывать, и на ней колдовство можно обратно «автору» отнести. Она же как противозачаточное средство исполь- зуется и от цинги хорошо спасает. Опять же в виде таблеток на меду. Даже ряска, если с умом заготовить, от затуманивания в глазах помогает, от головной боли. Как заподозрил Андрей – от болячек, связанных с повышенным давлением. Живка полевая от желтухи и глистов применя- ется, а если порошок с приговором под лунным светом в солнцеворот подержать, то человека им на целый день заморозить можно и заставить любые желания по своей воле исполнять. А из обычного сельдерея приворотное зелье готовится, против которого ни один мужик устоять не способен. Для приворота же девиц мать-и-мачеха нужна...

Зверев, наверное, и десятой доли выучить не успел – а голова уже от науки пухла. Что по сравнению с этим простое костоправство? Да половина бояр, несколько сражений пройдя, сами могли и при переломе, и при вывихе первую помощь оказать.

– Никак, княже, хлеб у лекаря нашего решил отбить? – поинтересовался с седла Друцкий. – Эй, Лука Ильич, ты куда?

– Я этого паразита ушастого все равно споймаю, Федор Юрьевич! – коротко поклонился княжичу исцеленный от вывиха боярин, ловко запрыгнул на коня и помчался в кустарник.

– Надо же, как завело старика! – удивился хозяйский сын.

– А сам не хочешь попробовать, пока дети боярские весь ивняк не вытоптали? – поднялся в стремя Андрей.

– Сейчас сокола привезут, тогда и я побалуюсь. Почто ноги ломать, коли птица есть? Еще посмотрим, у кого добыча больше окажется.

– Распугают дичь твои бояре, пока сокольники прискачут, ох, распугают, – заранее дал другу повод к оправданию Зверев и решил про своего второго косога пока не говорить. А то ведь останется княжич с пустыми руками – еще обиду затаит. Зачем отношения с приятелем зря портить? – Кстати, Федор Юрьевич, а что это за барон у вас гостит?

– Странный, правда? – тут же согласился Друцкий. – Одет что церковная нищенка, а письма рекомендательные отцу от самых знатных родов показал. Слуга у него немой, с горбом, с бельмом на глазу, в плечах шире, нежели ростом вышел. На него глянешь – и в церковь тянет, от скверны очиститься. От сумок хозяйских, что пес цепной, не отходит... Едут!

Княжич увидел огибающий холм обоз и помчался навстречу. К нему рванулись, радостно виляя хвостами, две низкорослые лохматые псины темно-коричневого окраса.

– Привет, зверята мои, привет, хорошие, – наклонился к ним с седла хозяин. – Заскучали по полю? Векша, Чулагу привез?

Веснушчатый холоп в толстом кожаном поддо-спешнике, покрытом на плечах десятками глубоких царапин, поднял перед собой клетку с крупной птицей, голову которой прятала шапочка с алым матерчатым хохолком.

– Отлично, давай... – Княжич выдернул из сумки на луке седла кольчужную рукавицу, натянул на правую кисть.

Сокольничий открыл клетку, пересадил птицу ему на руку. Федор Друцкий залихватски свистнул, медленным шагом двинулся к ивняку. Боярские дети, прервав свои метания среди кустов, торопливо выбрались на поле. Кони их хрипели, роняя с губ и из-под сбруи капли серой пены.

– Да, похоже, увлеклись мужики, – пробормотал князь Сакульский. – Забыли, что лошади не железные.

– Сейчас, сейчас настоящую охоту увидишь. – Федор Юрьевич опять присвистнул, но уже тихо и коротко, с переливом. Собаки замерли, насторожив уши. – Расстега, Кроша, агу!

Друцкий указал на изрядно переломанный ивняк, и псы послушно кинулись в нужном направлении. Уже через пару минут звонким лаем они сообщили, что подняли дичь. Федор Юрьевич торжествующе улыбнулся, снял с сокола колпачок и подбросил птицу вверх. Та взмахнула крыльями, клекотнула, словно несмазанная калитка, и, крепко сжав лапы, удержалась на кольчужной рукавице. Княжич снова подкинул сокола – но тот, недовольно клекоча, все равно остался на своем месте.

– Что такое, Векша? – тихо и зловеще спросил холопа Друцкий.

– Дык, Федор Юрьевич, – почему-то просипел сокольничий. – Не сказывал же никто, не упреждали. Гонял я сегодня на рассвете птицу-то. И кормлена она.

– Ах ты... – Друцкий сунул сокола обратно и принялся со всей силы и злости лупцевать холопа плетью. Тот вздрагивал и терпел, спешно убирая крылатого охотника в клетку. Хотя почему и не потерпеть в поддоспешнике-то?

– А цепко зверя собачки взяли, – негромко отметил барон Тюрго. – Уходят. Не потерялись бы...

Княжич мгновенно забыл про провинившегося холопа и встал на стремяна, прислушиваясь к далекому лаю:

– К Чавкиной пади уходят... Ведут зайца... Ну, Векша, коли и собак сгубишь...

Барон, стегнув своего каурого коня, помчался на звук, через заросли. Мгновением позже сорвались с места и прочие бояре, Андрей в том числе. Гнедой, поначалу шедший где-то посередине охотничьей кавалькады, уже через сотню саженей вырвался вперед, отставая только от иноземца. Их лошади легко перемахивали встречные сугробы, проламывали низкие заросли, огибали отдельные деревья. Скакуны детей боярских, вымотанные до предела, сравняться с отдохнувшими конями никак не могли.

Лай ненадолго затих, потом сместился влево. Зверев повернул туда, выиграв на повороте с десятков саженей у барона Ральфа, и с удивлением увидел чуть в стороне несущихся во весь опор княжича и его телохранителя.

Зверек пытался уйти, петлял. Голоса гончих смещались то в одну сторону, то в другую. Охотники тоже поворачивали: перепрыгивая поваленные деревья и кустарники, раскидывая копытами крупитчатые весенние сугробы, проскакивая под низкими ветвями, пробиваясь через плотную стену лещины. Погоня давно перешла из ивовых зарослей в застарелый осинник, копыта проваливались в жесткий наст на глубину полуметра, и Андрей молил всех богов сразу, чтобы под ним не оказалось ямки или гнилого деревца – ноги гнедому переломать можно враз. Но пока судьба благоволила ему, а вот телохранитель княжеского сына куда-то отстал. Лай слышался совсем рядом, где-то в сотне саженей.

Поперек пути оказалась сломавшаяся на высоте полутора сажен березка. Оба князя повернули, обогнули дерево, барон же перемахнул через него и теперь оказался первым. Андрей чертыхнулся, прижался к шее гнедого, погоняя скакуна:

– Не отдадим иноземцу русского зайца!

Лай опять послышался в стороне, охотники устремились туда, упали набок, проскакивая под толстой низкой веткой, выпрямились:

– Вот они!

Собаки настигали по прочному насту рыжего остроносого зверька.

– Лисица!

Рыжая кинулась влево, шастнула под ветви орешника, по упавшему деревцу перемахнула канаву, рванулась в другом направлении. Собаки с лаем понеслись следом. Всадники тоже не отступили: послали лошадей в прыжок через орешник, тут же скакнули через извилистое русло ручья, повернули. До добычи оставалось всего десятков саженей, барон начал даже раскручивать свою семихвостую плеть.

Сугроб – лиса нырнула в темную дыру под ним, – собаки промчались следом. Датчанин, заподозрив неладное, послал каурку в прыжок. Она взметнулась над белым гребнем, опустилась по ту сторону и сбилась на шаг, зарывшись в снег почти по брюхо. Иноземец заругался на каком-то незнакомом языке – но изменить ничего не смог. Скакавшие следом князя обогнули сугроб чуть правее, одновременно перепрыгнули широкий пенек, прикрытый оплывшей ледяной шапкой, и оказались впереди.

– Ату ее! – закричал Друцкий, поравнявшись с собаками. – Ату!

Зверек, надеясь на чудо, свернул под куст с высокими голыми ветвями, но охотники, уже обогнав собак, послали лошадей следом, перелетели крону и опустились рыжей почти на голову. Андрей взмахнул рукой, впечатывая кистень ей в макушку, хищница закувыркалась. Резко нагнувшись, княжич поймал ее за хвост, но тут подоспевшие псы, забыв приличия, тоже прыгнули, вцепились в тушку – и в руке Федора Друцкого остался лишь хвост. Тушку уже раздирали в клочья его любимцы Расстега и Кроша.

– Вот вредники! – беззлобно засмеялся разгоряченный погоней княжич. – Всю охоту испортили! Чего теперь людям покажем?

– Скажем, честно поделили, – осадил гнедого Зверев. – Половину нам, половину им. По длине мерить – как раз так и выходит.

– Да, – вздохнул княжич и протянул хвост гостю: – Кажется, это твоя добыча, княже. Ты ее сбил.

– Кто первым схватил, того и добыча, – отказался Андрей. – Закон охоты. Собаки, вон, и вовсе считают, что это они главные. Кому что досталось, тому и принадлежит.

– Как скажешь, княже. – Друцкий продел хвост в кольцо уздечки, привстал на стремянах: – Архип! Архип, ты где? Барон, вы не видели моего боярского сына?

– Помнится, он еще с милю назад отстал, Федор Юрьевич, – вежливо склонил голову в горностаевой шапке иноземец.

– Нехорошо... – потянул левый повод княжич. – Поехали по следу, глянем, куда делся.

– А как же собаки?

– Пусть их, – отмахнулся Друцкий. – Догрызут, нагонят. Азарта в них больше нет, не потеряются. А вот Архип...

К счастью, уже через несколько минут они увидели скачущего по взрыхленному снегу боярина. Шагов за пять тот скинул шапку, поклонился:

– Прости, княже, ветки не заметил. Пока поднялся, пока мерина поймал, пока в седло... Вас уже и не видать. Как ветер неслись.

– Не зря неслись, – выдернул из кольца лисий хвост Федор Юрьевич. – Вот, красного зверя взяли. Держи, жалую.

– Благодарствую, княже, – поклонился боярин и спрятал подарок за пазуху.

Может, и безделица – но дорого внимание. Да и дело для пушистого хвоста найдется. Кто их по десятку на шапку нашивает, чтобы уши да щеки в мороз не стыли, кто на одежду или упряжь – для красоты. А кто и писарю отдаст – песок с грамоты смахивать после того, как чернила высохли. Тут ведь прикосновение нежное требуется: присохшие крупинки стряхнуть, но чернила не смазать.

Назад охотники пробирались шагом, а потому выехали на поле где-то часа через два. Здесь, оказывается, все уже переменялось. Пострадавшие и провинившийся сокольничий исчезли, зато на траве раскинулось покрывало, уставленное блюдами с пирогами, кусками убоины, полными пенного пива кубками. Что было неприятно: подтаявшая на солнце земля вокруг оставалась еще сырой и холодной – возле угощения не приляжешь. Однако Федор Юрьевич без предисловий подскакал к столу, наклонился с седла, ловко подхватил один из кубков и, не пролив ни капли, тут же опрокинул в рот. Бояре захлопали, приветствуя ловкость хозяйского сына, перевели взгляд на Андрея. Ему, князю Сакульскому, всяко полагалось «подходить к столу» прежде них.

– И-и-и-эх! – Нацелившись на самый крайний, серебряный кубок, Зверев подскакал к нему, с силой сжал ноги, качнулся почти до земли и, расставив пальцы, подхватил сосуд под днище. Выпрямился, одновременно поднося его к губам. От резкого рывка часть напитка выплеснулась, но Андрей понадеялся, что на скорости этого никто не заметил. Он большими глотками выпил пиво, по примеру Друцкого отшвырнул кубок – холопы соберут, – развернулся, выдернул нож и на обратном пути метко наколот сочный кусок подкопченного мяса. Отъехав в сторонку, не торопясь поел, наблюдая за остальными.

Тут же выяснилось, что князь Сакульский в своем верховом мастерстве не так уж плох. Многие бояре, пытаясь поднять и поднести ко рту кубок, опрокидывали его на ковер, а то и на себя. Двое и вовсе выпали из седла, посбивав кубки и вызвав всеобщий смех. Наколоть на скаку кусок мяса тоже не всем по силам оказалось. Пожилые бояре, естественно, делали это легко и непринужденно. Но ведь они не то что ножом – рогатиной на всем скаку в прорезь рыцарского шлема попадали. Те же, кто помоложе, то всаживали нож так, что пробивали насквозь деревянный поднос и увозили его с собой, то втыкали клинок в ткань ковра. О смысле угощения

все давно забыли. Охотники не подкрепляли силы и даже не напивались – они демонстрировали ловкость или пытались оправдаться после прошлой неудачи. Кто быстрее наклонится, кто на большей скорости подхватит кубок и не расплещет – холопы не успевали их наполнять и расставлять. Однако, выпив три-четыре кубка пива, подцепить с подноса небольшой пряженец – задача не из легких... Из седла на траву, ругаясь, вылетал каждый третий.

Веселье длилось часа два, пока не закончилось угощение. Теперь захмелевшим боярам стало вовсе не до охоты, и на измученных лошадях всадники неспешным шагом отправились в усадьбу. Здесь их ждала жаркая баня с квасным паром и медовыми жбанам, а затем охотники влились в шумную компанию остальных детей боярских, готовых продолжить прерванный накануне пир. После выпитого и съеденного, после бесконечных здравий и заверений в любви и дружбе у Зверева возникло стойкое ощущение, что он, подобно запертой в клетку белке, попал в какое-то бесконечное кольцо, в хмельную карусель, в которой крутится уже не первый год и, похоже, будет кружиться вечно.

Правда, в бесконечность пира вплеталась одна неизбежная при таком количестве поглощаемой жидкости деталь – необходимость регулярного посещения небольшой комнаты у дальней стены с четырьмя дырами в полу и кипой сена, которое следовало кидать после себя в дыры для устранения запаха. На выходе из этой комнаты, в пустом коридоре, и заловил Андрея барон Тюрго.

– Рад вас видеть, князь! – обнял он Зверева. Не из дружбы, конечно же, а просто чтобы остановить. – Славная нынче выдалась охота. Три загубленные лошади, две сломанные ноги, несколько ребер и одна рука ради трех пойманных зайцев и одного лисьего хвоста.

– Э-э, дорогой датчанин, – отстранился Андрей и похлопал иноземца по плечу. – Ты ошибся страной, мой дорогой. У нас Родиной не торгуют!

Зверев собрался было уйти, но не рассчитал поворота и врезался плечом в стену.

– Неправда, князь, я говорил совсем о другом! – возмутился датчанин. – Постойте же, разве двести полновесных серебряных талеров не заслуживают хотя бы разговора?!

«Двести? А днем он говорил о ста...» – мысленно отметил молодой человек и решил не напоминать барону об этом, пьяно обрадовавшись своей находчивости.

– Я говорил о мире и только о мире, князь! – обрадовался иноземец, поняв, что собеседник решил задержаться. – Я лишь говорил, сколь ужасно положение нынешней Европы. Османская армия осадила Вену и приближается к Венеции. Недалек тот час, когда сарацины захватят земли до самого северного океана, покорив и Францию, и Германию, выйдя к недавно магометанской Испании. Недаром под стенами Вены ныне бьются бок о бок, забыв вражду, французские и английские рыцари. Германия же поражена смутой, и это предрекает ей весьма печальную судьбу.

– Германией больше, Германией меньше, – презрительно фыркнул Зверев и оперся спиной о стену, выставив живот. – Да мы Берлин пять раз брали! Или шесть... Правда, Париж – только раз.

– Для вас Германия далеко, а для моего короля – ближний сосед, – пропустил барон мимо ушей явный бред упившегося русского. – Турки, сарацины, смута... Моему королю нужны войска там, на западе. И поэтому он хочет мира здесь, на востоке. Теперь вы понимаете меня, князь? Разве желание мира может быть изменой?

– Миру мир и слава КПСС, – согласно кивнул Зверев. – Однако я потомственный боярин, князь Сакульский! При чем тут я?

– Разве вы забыли, князь, что ваши земли граничат с датскими рубежами? – терпеливо поинтересовался барон.

– Да? – изумился Зверев и наморщился, напрягая память. В памяти всплывали то Швеция, то Финляндия. – Датский король? Или шведский?

– По Кальмарской унии шведские и норвежские земли находятся под рукой датской короны.¹¹ – Барон Тюрго скрипнул зубами, пытаясь сохранить доброжелательность.

– Да? Что же, я очень рад за датскую руку, – кивнул Андрей.

– Я слышал, у вас в имении есть некие трудности, князь. Его королевское величество очень тревожит мысль о том, что вы испытываете немалое искушение посягнуть на сопредельные земли, дабы захватить рабов для своих деревень и добычу для пополнения казны. Посему его величество готов предложить вам двести немецких талеров в обмен на клятву не тревожить его рубежей, а также удерживать от подобных нападений своих друзей и склонять своего государя поддерживать мирные отношения с королевством Данией.

– Двести талеров за то, чтобы я ничего не делал? – не очень понял Андрей.

– Двести талеров на возрождение вашего княжества, боярин, – вздохнул барон. – На возрождение княжества без ущерба для рубежей моей страны. Вы получаете серебро, а мой король – воинов, которые уйдут на запад, вместо того чтобы стеречь каменные уступы Корелии.¹² Мы все получим то, чего желаем, без крови и ссор, и останемся добрыми друзьями, готовыми протянуть друг другу руку помощи...

Даже сквозь хмель Зверев чувствовал, что его дурят. Обманывают. Но он никак не мог понять: в чем? Двести вполне реальных немецких талеров в обмен на... На подозрения?

– И король поможет мне купить у вас невольников?

– Да, – прервав свою болтовню, четко подтвердил иноземец. – Так вы готовы дать слово не тревожить наших рубежей, князь?

– Я не вижу серебра, барон.

– О, это не вопрос, – восторженно воскликнул датчанин. – Мы поднимемся в светелку, и я немедленно их вам передам. Токмо, князь, не обессудьте, но мне придется взять с вас расписку. Я ведь должен держать ответ перед своим королем...

Андрей хмыкнул носом и усмехнулся. Как бы ни хитрил барон Ральф Тюрго, но у Зверева тоже имелось одно секретное оружие. Лютобор, который поклялся вернуть его в двадцать первый век. И когда князь Сакульский исчезнет из этого мира – что будет проку от его расписок? А вот серебро – штука вещественная. Оно останется.

– Будет тебе расписка, лазутчик, договорились.

– Пойдемте, князь. – Датчанин, мгновенно посерьезнев, зашагал по коридору, свернул к первой лестнице, поднялся на второй этаж и двинулся направо, в сумеречную щель, освещенную слюдяным оконцем где-то совсем далеко, шагах в ста. Барон остановился раньше, стукнул два раза, один, еще два, потом толкнул створку.

В его комнатке оказалось заметно светлее, хотя окно было сделано в верхнем углу справа и закрывалось не слюдой, а просто бычьим пузырем. Наиболее темный закуток получился как раз под окном – там поблескивали два глаза и длинный полуторный меч. Видимо, сидел тот самый слуга, что покоробил своим видом княжича Друцкого.

Барон открыл сундук, достал свернутый в трубочку лист бумаги, перо, чернильницу, захлопнул крышку, разместил их сверху, широким жестом пригласил Андрея ближе. И вдруг, точно матерый фокусник, извлек прямо из воздуха два тяжелых мешочка, бросил их рядом с чернильницей, распустил узелок, открыл горлышко. Матово блеснули белые кругляшки.

– Желаете пересчитать, княже?

Андрей просто взвесил кошель в руке. На глазок в них было явно больше пяти кило. Как раз столько двести талеров весить и должны.

– Давайте возьмем четыре монеты, уголки пергамента прижмем, – предложил барон. – Так будет легче писать...

¹¹ Финляндия была создана Россией только в 1809 году, после того как часть шведских земель отошла в состав империи.

¹² Карелией она стала называться где-то во времена Петра I.

Зверев намек понял, взялся за перо:

– Я, милостью Божией князь Андрей, владетель княжества Сакульского, урожденный боярин Лисын, сим подтверждаю получение от барона Ральфа, владетеля Тюрго, двухсот талеров серебром за... – Он поднял глаза: – За что, барон? За клятву ничего не делать?

– Оставьте так, – небрежно разрешил датчанин. – Это достаточно ясно указывает, что серебро не осело в моем кармане, а остальное не так важно. Ведь вы дворянин, королю будет достаточно вашего честного слова, которое я ему и передам. Так вы даете клятву не нападать на датские земли и не чинить урон королю, моему повелителю, своими деяниями или словами?

– Клянусь, – кивнул Зверев и широко перекрестился.

– Был искренне рад знакомству, князь. – Иноземец осторожно поставил на один край пергамента чернильницу, на другой положил нож. – Пусть подсохнет. Был искренне рад знакомству...

Андрей затянул узлы кошель, прижал добычу локтем к телу и, покачиваясь, отправился в светелку Полины. Он собирался оставить там серебро и вернуться к пиру, но зов мягкой постели оказался столь притягателен и завораживающе могуч...

Проснулся Андрей от ужаса. Ему явился заяц размером с корову, ходящий на задних ногах, в рыцарском шлеме и со «шмайсером» на животе. Косой пытался выманить его из укрытия, разбрасывая по полянке золотые монетки и овес, после чего прятался в траву – уши торчали на высоту жирафьей головы. Как раз за уши Зверев и попытался его поймать. Но заяц встал – Андрей врезался головой в мягкий мохнатый живот, понял, что его перехитрили, и в последний, предсмертный миг открыл глаза. К счастью, это оказались волосы Полины – князь Сакульский даже обрадовался, что женат.

– С добрым утром, дорогая. – Он поднял голову и поморщился от тягучей, тупой боли в висках. – Ты уже вернулась с пира?

– Да что ты, милый! Мы с хозяйкой еще до полудня гостей оставили. Ты намерен пришел, так я уже легла. Ты еще мне под подушку мешки с серебром сунул и сказывал, будто после исчезновения твоего мне оно все останется... Только ты не исчезай, суженый мой. Как же я без тебя?

– Не бойся, не останется, – пообещал Зверев. – Потратим все в ближайшие месяцы. Ушкуй нам нужен хороший, иначе ведь до княжества не добратся. И из него не выбраться. И людишек надо прикупить, а то ведь без рабочих рук от земли никакой пользы нет... О Господи, если мне налью еще хоть рюмку, я повешусь. Баню чем вчера топили?

– Дровами.

– Я так и думал... – Действительно, откуда княгине, хозяйской племяннице, знать, чем дворня печи набивает?

Андрей провел рукой по телу: он был в рубашке. Интересно, сам разделся или помогли? Сам бы, наверно, догола все снял – это у местных принято в рубахах до колен почивать. Он поднялся, подошел к окну, откинул крючки, потянул на себя внутренние створки, потом распахнул наружные, с наслаждением вдохнул морозный воздух. Небо светлело, но до восхода оставалось еще изрядно времени, а потому во дворе было тихо и пустынно. Даже слишком пустынно – куда могло пропасть столько лошадей? Вчера, помнится, под всеми навесами стояли.

– Прикрой окошко, любый мой, – попросила жена. – Студено мне больно.

– Похоже, разбудил я тебя рановато... – послушался ее Андрей.

– А мне, как ни разбудишь, все ко времени, – ответила Полина и стыдливо зарумянилась. Увы, игры под одеялом были последним, о чем сейчас мог думать князь Сакульский.

– У тебя квасу не припасено случайно? На случай, если пить ночью захочется?

– Нет... Но девка вчера рассолу приносила капустного. Тебе на утро, сказывала. Вон, на сундуке крынка стоит.

– Класс!!! – Андрей впервые воспылал симпатией к предусмотрительному князю Друцкому.

Найдя в сумерках глиняный кувшин с широким горлышком, он тут же отпил с пол-литра живительной влаги – как сказали бы в его время, «полной витамина С, микроэлементов и имеющей оптимальный солевой баланс», – после чего, прихватив сосуд с собой, вышел из светелки.

Двор спал, а потому никто не заметил, как гость, миновав двор, скользнул в неурочное время в еще теплую баню. Там он выловил в топке несколько мелких, недогоревших угольков, растер, покидал в рот, запивая рассолом, после чего разделся и ополоснулся остатками воды из вмазанного в камни бронзового котла.

Возвращаясь, он почувствовал себя уже намного лучше – голова отпустила, мысли стали более ясными, да и память освежилась. Дверь в светелку оказалась заперта. Андрей немного удивился, сотворил заклятие на засовы, осторожно открыл створку, прокрался внутрь. Из постели доносились равномерные всхлипы, словно раскачиваемая ветром ветка скребла по оконному стеклу.

– Полина, ты чего? – удивился Зверев присаживаясь на край постели. – Случилось чего-нибудь?

– Ты меня не любишь! Не любишь!

– Чего-чего?! – изумился Андрей. – Что за глупости тебе в голову взбрели?

Насколько он помнил, в деловой финансово-родовой сделке под названием «брак» ни о какой любви даже близко не упоминалось. В длинном договоре, сопровождавшем операцию «свадьба», говорилось о принятых на себя двумя родами обязательствах, об обеспечении будущего старшего сына, о старшинстве наследников, о том, кто и чем это гарантирует, о чистопородности предков и даже об ответственности за отсутствие детей нужного пола и сроках улаживания такого спора. Но вот о любви – о любви там не имелось ни слова.

– Ты не любишь меня, Андрей! Ты бегаешь от меня, бегаешь к кому-то. Ко мне не прикасаешься, на других все смотришь. Я здесь, а ты, чуть глаза открыв, уж умчался к кому-то!

– Господи, да при чем тут это, дурочка? – фыркнул Зверев. – Спят же все!

– А к кому ты тогда бегал, а? – развернулась жена к нему лицом. – Куда мужик из супружеской постели спозаранку удрать может, кроме как не к девке дворовой?

– Думаешь, иной нужды, кроме как в девке, у человека поутру возникнуть не может? – Молодой человек покачал головой, протянул руку, кончиком пальца отер капельки у нее со щек. – Тебе лишь бы подушку вымочить, глупенькая. – Он наклонился и следующую капельку убрал уже губами. – Соленая... Солевары в Руссе ее неделями выпаривают, а ты на баловство переводишь.

– Не на баловство... – хлопнула супруга маленьким розовым носиком.

– Беречь ее надобно, беречь... – Андрей поцеловал ее глаза,дохнул на веки, заставив затрепетать черные ресницы. Рука нырнула под одеяло, скользнула по горячему телу – и душе молодого здорового парня тоже стало горячо. Полина казалась уже не рыхлой и бесцветной, а вполне даже нормальной, приятной девушкой. Пусть и не такой желанной, как Варя или Людмила Шаховская, – но маленькие пухлые губы манили своей мягкостью и отзывчивостью...

– Ты правда ни к кому не бегал? – шепотом поинтересовалась княгиня. – Побожись!

– Еще чего! – возмутился Зверев и стащил с себя рубаху. – Я лучше докажу!

– Постой, как можно! – Молодая женщина распахнула глаза и возмущенно приоткрыла рот: – Сегодня день постный, нельзя!

– Ну, нет! – Он откинул одеяло, схватил сорочку за подол и потянул вверх.

– Да нельзя же, нельзя! – Полина чуть приподнялась, давая ткани пройти под спиной, после чего стыдливо прикрыла грудь и низ живота ладонками. – Пост. А я всего лишь спросила.

– Ерунда. – Зверев взял ее за руки и поднял их вверх, заведя жене за голову. – Путников Господь от поста освобождает.

– Но мы же не в пути, Андрюша, – прошептала женщина.

– А мы сегодня отправимся...

Князь Сакульский навис над женой, оглядывая белое мягкое тело. Груды раскатились в стороны, бедра казались шире раза в полтора, нежели в платье. Примерно четырехмесячная беременность растворилась в рыхлых формах и была совершенно незаметна.

– Ты чего, Андрей? – забеспокоилась Полина. – Что ты на меня так смотришь... Ну, перестань! Я стесняюсь.

Молодой человек промолчал и увидел, как соски быстро заострились, а грудь немного подтянулась, приподнялась, живот напрягся, ноги же, наоборот, задвигались, как будто жертва надеялась куда-то от него убежать.

– Перестань!

Он наклонился, закрыл ее рот своими губами, опустил всем телом и легко вошел каменной плотью в ждущее лоно. Женщина охнула, с неожиданной силой освободила руки – но не оттолкнула, а обняла и крепко прижала его к себе:

– Андрей, Андрюшенька... Миленкий мой, желанный, единственный...

В эти минуты и она была для Зверева самой желанной и единственной, в этот миг он и сам готов был поклясться, что не способен с такой же страстью желать кого-то другого, что целует жену по корыстному уговору, а не из бесконечной и искренней любви. И чувства эти надолго сохранились даже после того, как пик сладострастия превратил сжимающие тела любовников силы в океан безмятежной слабости.

– Мне не нужен никто, кроме тебя, Поленька, – прошептал Андрей. – Никто, нигде и никогда.

– Любый мой, хороший... – повернула голову к нему женщина. – Значит, ты не бегал от меня? Правда?

– Думаешь, у меня были бы силы, трать я их на кого-нибудь другого?

– Конечно. Ты такой сильный и красивый. Наверное, тебя хватило бы и на десятерых, и все были бы счастливы.

– Десятерых? – Зверев глянул себе на живот, потом повернулся к жене, коснулся кончиком пальца ее соска, начал медленно водить вокруг него, заставив красноватую лепешечку собраться в небольшую пику. – Хорошо, я докажу...

– Только нам уехать сегодня надобно обязательно! – предупредила Полина. – А то ведь – грех.

К тому часу, когда дворовая девка постучала в дверь светелки, Андрей, кажется, сумел убедить супругу в своей честности. Если не числом, то хотя бы старанием. Правда, избавиться от накопившейся приятной слабости он уже не мог и теперь с ужасом ждал продолжения пиршества: в таком состоянии он свалился бы с ног далее от чарки пива. Князя Сакульского могло спасти только чудо.

И оно свершилось! В обширной трапезной, куда они вошли, было совершенно пусто. Настолько, что в первый миг Андрей вовсе не заметил маленькой, худощавой фигурки князя Юрия Друцкого, без шубы и фляжи выглядевшего вовсе как мальчик-с-пальчик.

– Доброе утро, дядюшка! – Княгиня обняла хозяина, поцеловала в щечку, после чего уселась слева от него, но не рядом, а через три места.

– Доброго тебе здоровья, княже, – поклонился Зверев. – Пусто тут сегодня, однако.

– Разъехались соколы, – вздохнул Друцкий, поднимая золотой кубок рукой, обтянутой ломкой пергаментной кожей. – Не стали со стариком прощаться. Пока отдыхал на пиру, все и разъехались.

– И Федор Юрьевич тоже?

– Нет, – улыбнулся хозяин. – Ныне уж он отдыхает, не поднять. Холопы сказывали, за полночь разъезжались-то. Уж не ведаю, как и добрались. Хотя, ночи ныне светлые. Опосля еще маненько ближние други посидели. Сын, отец твой, боярин Рыканин, да Савелий Мохнатый, что под Юрьевом меня от кнехтов ливонских отбил. Вот и отлеживаются ныне. Тебе не понять, ты, вижу, опять ровно и не пил вовсе. Однако и тебе доброго здоровья. Вот, капустой кислой подкрепись, стерлядка заливная вон, в лотках имеется, студень говяжий. А хочешь, пива тебе прикажу? Мне-то, кроме кваса и рассола, ничего и видеть не хочется. Да ты сюда, рядышком садись... – похлопал справа от себя князь.

– Спасибо, Юрий Семенович, я тоже квас по утрам предпочитаю, – занял Андрей почетное, предназначенное для хозяйского сына, место.

– Ешь, пей, – широким жестом предложил Друцкий. – Что на столе – все твое.

Зверев кивнул и потянул к себе миску с рыбным заливным.

– А ты меня порадовал, сынок, порадовал, – неожиданно признал хозяин. – Племяннице своей я счастья желал, но уж не думал, что с мужем она радостью расцветет. Вижу, вижу, как изменилась, как к тебе тянется. А ведь отпускал за тебя лишь оттого, что весь век девке все едино куковать невозможно, как бы баловать ее при себе ни хотелось. Рано или поздно, а отдавать придется. Не в мужнины руки, так в монастырь судьба уведет. Опять же, с княжеством дело решать требовалось. Ты же сыну моему жизнь спас, меня от ляхов оборонил. Оттого тебя, сынок, для нее и выбрал.

Андрей молчал, не зная, что делать. Есть под такой искренний, кажется, монолог было неудобно, отвечать – нечего.

– Давеча Полину увидел – так с души моей ровно камень упал. Вижу, не просто наследника для нас под сердцем носит. Вижу, песней и любовью племянница полна. А то, сынок, многого стоит. Знай, близок ты ныне мне стал, как родной. Ровно к отцу, за нуждой любой обращаться можешь. Посему сказать хочу, что просьбу твою исполнил я полностью. Приказали поутру все пятеро корабельщиков моих, коих отдаю тебе головой и невозбранно. Считаю подарком моим для вашей с Полиной радости. Будет свой парус – глядишь, и навещать чаще станете.

– Спасибо, князь, – сухо поблагодарил его Зверев.

Как ни изъяснялся в своей любви Друцкий, у Андрея появилось сильное подозрение, что после рождения законного наследника рода Сакульских дядюшка намеревался забрать племянницу от постылого мужа к себе в усадьбу и голубить, баловать, как и ранее. С родовитым боярином из рода Трубецких, Репниных или Оболенских такой фокус бы не прошел, а вот с провинциальным, неименитым боярином Лисьиным – вполне мог и прокатить. Отпросилась бы жена к родичу повидаться, да и не вернулась. И чего сделаешь? Силой не забрать: у Друцких одних детей боярских больше, нежели у Лисьиных холопов. Царю или в приказ с этой бедой кланяться – так ведь позор на сто веков вперед для всего рода! Да-а, с такими родственниками ухо нужно держать востро. По миру ведь пустят и еще благодарить по гроб жизни заставят.

– Токмо ушкуй морской покупайте, на прочие не разменивайтесь. Опасно на прочих в Ладогу выходить. Пятеро корабельных с ним управятся, а опосля еще и своих обучите. Ты подкрепился? Пойдем, покажу холопов новых твоих.

Андрей с тоской глянул на стерлядь, так и оставшуюся нетронутой, и вслед за хозяином поднялся из-за стола. Они спустились во двор, где вся челядь мгновенно скинула шапки и замерла в поклоне, подошли к конюшне. Князь Друцкий заглянул внутрь:

– Эй, на сеновале! Подь сюда, бездельники! Токмо и знают бока отлеживать.

Наверху, где под коньком крыши, над жердяным потолком, было набито еще изрядно, несмотря на весну, сена, послышалось шебуршание, потрескивание, вниз посыпались сперва мелкие колоски и стебельки, потом прыгнули двое ребят. Других трое корабелов спустились не спеша, по приставной лестнице. Они собрались в воротах и, не выходя наружу, низко поклонились:

– Здравствуй, батюшка князь.

– Япона мама... – только и смог выдохнуть Зверев.

Двумя из обещанных ему корабелов оказались мальчишки лет по двенадцать: один рыжий, другой косоглазый. Вряд ли они могли продаться в холопы добровольно. Скорее всего, родители продали, чтобы от закупа избавиться или иной кабалы. По лестнице первым спустился мужик лет сорока, с изуродованной левой половиной лица и вывернутой наизнанку, словно у кузнечика, левой ногой. Похоже, его в свое время чем-то очень крепко приложило. Даже странно, что рука осталась нормальной. Вторым, кряхтя, слез старик лет семидесяти, седой до непорочной белизны, с трясущейся головой и впалой грудью. Лишь третий холоп оказался ладным с виду тридцатилетним мужиком. Но Андрей был уверен, что и с ним все не слава Богу. Не мог же Друцкий ему нормального человека отдать!

– Чего ты там бормочешь, княже? – тут же вскинулся Юрий Семенович. – Тебе ведь в торговые походы не ходить, на ушкуе по полгода не жить. Корабелы у тебя больше в имении без дела слоняться станут. А коли так – чего опасаться? Коли понадобится до Новагорода али сюда – и они тебе ушкой доведут, а большего и не потребно. Лучемир, вот, даром что моего отца ровесник, однако же с закрытыми глазами где угодно корабль проведет. Риус, – указал хозяин на рыжего мальчонку, – у него уж два года в учениках, скоро сам кормчим станет. Васька Косой ловок, что белка, высоты не боится вовсе. Оснастку на мачте поправить потребуется – его сразу и посылай. Левший рулевым стоять может, коли потребуется, паруса ставить, натягивать. Бегать ведь на ушкуе некуда, а силы в нем за троих будет. Тришка тоже мужик крепкий. Так что парусами управляться у тебя будет кому, кормчий есть. Чего еще надо? Вот, холопы, отныне это ваш новый хозяин, князь Сакульский, Андрей Васильевич. Служите ему честно, как мне служили.

– Спасибо, княже, за милость твою, – поклонился Зверев и, памятуя, что дареному коню в зубы не смотрят, ничего более добавлять не стал. – А вы собирайтесь, сегодня в путь отправляемся. И назад, может статься, вы уже не вернетесь. Риус, беги в людскую, найди холопов моих – Пахома, Звиягу и Вторушу. Скажи, пусть коней готовят, Василия Ярославовича собирают. Мыслью, до полудня выедем. Вернуться нам сегодня надобно, а завтра снова в дорогу...

Ушкуйник

С помощью рассола, густого как масло, крепкого студня и холодного умывания Василий Ярославович к полудню действительно пришел в чувство. Гости распрощались с князем Друцким – Федор так и не встал, – и помчались домой. Вернее, попытались помчаться. Очень быстро выяснилось, что старый Лучемир совершенно не держится в седле и на рысях болтается в нем так, что, того и гляди, рухнет на землю. Волей-неволей пришлось перейти на шаг.

– Вторуша, в усадьбу скачи, – решил боярин. – Пусть сани заложат и навстречу высылают. Не то, видит Бог, лишимся кормчего, до корабля его не доставив.

Холоп кивнул, дал шпоры коню, а Василий Ярославович подъехал ближе к сыну:

– Да, вишь, как получается, Андрей... Кроме как на корабле, крупном и ладном, до имения твоего не добраться. Малую лодку покупать – токмо деньги зазря выбрасывать, да еще и вас с Полиной в опасности ввергать. Видать, придется нам открывать схрон дедовский. У детей наших золото отбирать, дабы самим ныне перебиться.

– Не нужно, отец, – покачал головой Зверев. – У меня тут двести талеров случайно обзавались. Говорят, должно хватить с избытком.

– Что же ты молчишь? Тогда погонять надобно! Коли в Луки Великие нам не надобно, то до ледохода вполне успеть сможем до Новгорода! Пахом, за стариком присмотри. Мы вперед поскачем!

Уже через четыре часа путники оказались в усадьбе возле Крестового озера. После полагающейся с дороги баньки и сытного обеда снарядились для нового перехода. Поскольку хотя бы без одних саней в обозе было не обойтись, боярин решил не ужиматься и велел заложить сразу семь повозок. На них можно было посадить всех корабельщиков, трех девок княгини, а заодно взять побольше вещей для молодых супругов, четыре пищали, как уже и сам Андрей называл свои ружья, с запасом пороха, а также шесть бердышей: три для князя Сакульского, его дядьки и пока единственного холопа, и еще столько же – для корабелов, на всякий случай.

Лучемира привезли только в поздних сумерках. Старика напоили горячим вином, покормили гречей с тушеной свиной, уложили в людской. А поутру, завернув в шкуру, отнесли и уложили в те же самые сани. Пожилой кормчий даже не проснулся.

Ольга Юрьевна всплакнула на крылечке, обнимая сына и невестку, поцеловала мужа, махнула платком. Обоз выкатился в распахнутые ворота, а следом через пару минут вылетели на рысях и всадники. Путь им предстоял не близкий, а солнце грозило в любой день превратить прочную ледяную дорогу в россыпь уплывающих по реке осколков.

Знакомым путем по Окнице и Удраю они доехали до тракта на Литовское княжество, но в этот раз никуда по дороге не свернули, а пересекли ее и снова спустились на лед реки. Удрай как-то незаметно превратился в Насву, и та ближе к вечеру привела их на простор широкой Ловати. Обоз повернул на север и еще часа три двигался по раскатанному до самого льда снегу, прежде чем боярин разрешил остановиться на ночлег. Навесив лошадям торбы, люди наскоро перекусили холодными пирогами, запили их квасом и завернулись кто в шкуры, кто в долгополые тулупы и охабни. Только Звияга, поставленный караулить в первую смену, ушел в лес, и вскоре оттуда послышались мерные стуки топора.

Зато утро порадовало путников запахом настоящей, свежесваренной куриной похлебки с пшеном и репой – разведенный караульными костер полыхал всю ночь отнюдь не впустую. После горячей еды и погода показалась теплее. Возчики запрягли лошадей, сани одни за другими выкатились на лед и заскользили вниз по реке.

Широкое русло, низкие, поросшие ольхой и ивой, берега, редкие проруби, оставленные поившими лошадей путешественниками, – и так час за часом, верста за верстой. Ни единой деревни, ни прохожего, ни проезжего – никого. Словно вовсе жизни нет на могучей реке. Васи-

лий Ярославович то и дело поторапливал холопов, опасливо поглядывая на сияющее в голубом небе солнце, но даже легкие сани скорее, чем рысью, лошади тащить не могли. Да и то животные быстро выдыхались, и каждый час минут на двадцать путникам приходилось переходить на спокойный шаг. Единственное, что мог сделать своей волей боярин, – так это удлинить день. Поэтому на ночлег обоз остановился только в полной темноте. А с первыми лучами солнца невыспавшиеся люди и недовольно фыркающие лошади опять двинулись в дорогу.

Вскоре после полудня Ловать повернула на восток, и Лучемир, заворочавшись в шкуре, неожиданно громко заявил:

– А половину пути, почитай, прошли. Теперича на уменьшение пошло.

Ему никто не ответил, а река спустя пятнадцать верст передумала и вернулась к прежнему направлению. Около полудня пятого дня реку пересек зимник, вынырнувший из осинника слева и тут же скрывшийся в густом березняке на правом берегу. Широкий, метров десяти, тракт тоже поражал своей пустынностью. Видать, все, у кого имелась нужда отправиться в путь, успели сделать свои дела заблаговременно. Готовым в любой миг растаять дорогам уже никто из опытных людей не доверял. Это вызывало у Андрея нехорошее предчувствие – но изменить он все равно ничего не мог. Оставалось надеяться на удачу.

– На Руссу, похоже, поворот, – зачем-то привстал в стремях Василий Ярославович. – Стало быть, нам всего два дня осталось. Успеем!

И вправду, вскоре они миновали деревню дворов в пятнадцать, что обосновалась на пологом, обрывающемся к реке, взгорке, через два часа – еще одну. Местные провожали их взглядами, некоторые махали руками, осеяли знаменiem, крестились сами.

– Ничего, один переход всего остался, – буркнул себе под нос боярин. – Проскочим.

Еще один ночлег на камышовой отмели, потом два часа пути среди черных от ивняка берегов – и Ловать вдруг развела берега в стороны, открыв впереди бесконечную, до горизонта, равнину.

– Погоняй, погоняй! – крикнул боярин Лисьин. – Поспешай, косорукие! К вечеру в Новгороде будем!

Лошадки затрусили чуть быстрее, помахивая мордами и изредка вздергивая хвостами. Верста, другая, третья – и путники оказались в белой бесконечности. Белизна впереди, белизна позади, белизна по сторонам. Белый ноздреватый лед под ногами, белое, натянутое пеленой облаков небо. Даже горизонта не различишь – столь незаметно одно переходило в другое. Скачешь, скачешь, скачешь – а ничего вокруг не меняется, словно ты завяз в невидимой паутине и подпрыгиваешь на одном месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.